

КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ИСТОРИИ ЯЗЫКА И ЯЗЫКОЗНАНИЯ

О. Ф. Жолобов

**ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИЕ
ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ
КАК ЧАСТЬ РЕЧИ**

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ПО СПЕЦКУРСУ
«СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ:
ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ»

КАЗАНЬ - 2007

УДК 811.161.1'36(09)
ББК 81.2Рус-2
Ж79

Печатается по решению
редакционно-издательского совета филологического факультета
Казанского государственного университета

Рекомендовано
кафедрой истории русского языка и языкознания
Казанского государственного университета

Рецензенты
научный сотрудник *Р.Н.Кривко*
(Институт русского языка РАН)
доцент *Д.Р.Копосов*
(Казанский государственный университет)

Жолобов О.Ф.

Ж79 Древнеславянские числительные как часть речи: учебное пособие по спецкурсу «Сравнительно-историческое языкознание: числительные». – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2007. – 68 с.

Учебное пособие посвящено этимологии и теории числительных как частеречного класса, а также исторической динамике числительных в праславянском языке и в раннедревнерусский период.

Для студентов-филологов, изучающих русское и славянское языкознание.

УДК 811.161.1'36(09)
ББК 81.2Рус-2

© Филологический факультет
Казанского государственного
университета, 2007

ВВЕДЕНИЕ

Вероятно, числительные имеют такой же возраст, как и сама идея счета, поскольку они обнаруживаются по крайней мере уже в начале позднего палеолита. Симптоматично, что первые знаки в древнейших письменных системах (шумерской, эламской) были числовыми знаками. С точки зрения этимологии противопоставление числительных в так называемых примитивных и цивилизованных языках не действительно, так как повсюду первичная семантическая мотивация числительных основывается на обозначениях частей человеческого тела. Хотя образование числительных в разных языковых семьях было независимым, оно везде доказывает «более, чем какая-либо другая человеческая деятельность, что человек есть мера самого себя» [Blažek 1999: 335–336].

По данным этнолингвистических наблюдений само человеческое тело стало прообразом и источником всех количественных и пространственных представлений. В этом смысле человеческое тело само содержит в себе числовой код, поэтому данные этнолингвистики могут быть признаны иллюстрациями философских спекуляций. Так, Плотин, у которого диалектика числа нашла наиболее подробную разработку, заключает: «Таким образом, на вопрос о том, как наличны ипостасийные числа в нас в своем отличии от чисел фактического счета, следует ответить, что числа, находящиеся в нас, тоже имеют ипостасийную природу, что и умные числа вообще, и числа счета – проявление и чисел в нас, и тем самым умных чисел; отсюда же вытекает и то, что числа и необходимым образом лежат в основе субъекта, конституируя его, и осмысленно конституируют счет, хотя все это и разные сферы бытия числа» (цит. по: [Лосев 1994: 870]). «Разграничение числовых отношений, как и отношений пространственных, восходит к человеческому телу и его частям, чтобы отсюда постепенно распространиться за границы чувственно-наглядного мира. Собственное тело повсюду формирует базовую модель первоначального счета» [Cassirer 1956: 187]. Обратившись к фактическим числам, следует заметить, что человеческая рука остается наиболее простым, но достаточно быстрым и эффективным инструментом счета в некоторых культурах [Honti 1999: 251]. Долгое время при помощи суставов руки могли проводиться и непростые пасхальные расчеты, получившие у славян название “кꙋꙋцꙋкꙋꙋто” (см. [Дьяченко: 101–102; Карский 1979: 221]). Известно, что особое строение рук, совмещенное с их парной симметрией, обусловило развитие такой совершенной числовой системы, как десятичное счисление. В графике палеолита представлено систематическое использование чисел 5 и 10, идущее от пальцевого счета (см. [Фролов 1974: 116]). Сохранившиеся у

некоторых народов наиболее примитивные формы счета парами указывают на то, что самый простой числовой код был воспринят ранее всего, но и он отражает природу антропометрического пространства – его парносимметричное наполнение. Деление на две симметричные половины также представлено в изображениях палеолита, и его относят к древнейшим началам арифметики (см. [Фролов 1974: 121]).

Важная роль отводится в новых исследованиях неолитическим, ок. VIII тыс. до н. э., археологическим находкам на Ближнем Востоке — артефактам, получившим ввиду своей символической функции название токенов («tokens»). Эти предметы представляли собой глиняные фигурки разной формы, которые использовались в хозяйственных расчетах. В IV тыс. до н. э. токены сменились глиняными табличками с их условными изображениями, которые и стали прототипом письма в целом. С сер. III тыс. изображения на шумерских табличках отражают определенные комбинации знаков. Если токены насчитывали сотни форм, начертательные обозначения потребовали унификации и их количество было ограничено шестьюдесятью формами знаков. В связи с отмеченной семиотической динамикой считается возможным вести речь о трех стадиях в развитии счета [Justus 1999: 143]:

«8th – Late 4 th m. BC	Token Systems	concrete counting
Late 4 th – Early 3 rd m. BC	Systems of Numeration	pre-numerical counting
Mid-3 rd m. BC:	Sumerian Sexagesimals	abstract counting».

На фоне постоянного и растущего интереса исследователей к теме языкового выражения количественных представлений (см. библиографию) кажется неоправданным почти полное забвение данной проблематики в русском языкознании.

Значительный вклад в изучение динамики славянских числительных внес А.Е.Супрун. Ему принадлежат блестящие работы по старославянским числительным [1961], полабским числительным [1962]. Докторская диссертация Супруна, которая принесла ему известность, была посвящена сопоставительному изучению славянских числительных и включала краткие исторические обзоры [1965, 1969]. А.Е.Супруном [1959] было дано синхронное описание русских числительных, в котором также встречаются отрывочные сведения по истории числительных. К сожалению, собственно историческое исследование русских и славянских числительных им не предпринималось.

Описание числительных как самостоятельной части речи представлено в монографии Т. Б. Лукиновой [Лукинова 2000], где внимание сосредоточено на сопоставлении славянских данных, используются показания праславянской реконструкции и приводятся сведения из исторических словарей и работ по палеославистике, однако собственно историческое исследование не входило в на-

мерения автора, и поэтому исторический комментарий в книге носит вспомогательный и в известном смысле случайный характер. Книга Т.Б.Лукиновой развивает научную традицию сравнительно-сопоставительного изучения славянских числительных, возникшую благодаря известным трудам А.Е.Супруна.

В исторической славистике сложилось убеждение в том, что числительные как самостоятельная часть речи в славянских языках являются плодом позднего развития и до XVII в. об этом частеречном классе можно говорить лишь условно (см. [Багрянский 1957: 16; 1960: 4; Дровникова 1985: 4; Еленски 1978: 81; Супрун 1965: 7; 1969: 5; Хабургаев 1990: 258–259 и сл.; Kiparski 1967: 173]). В. Кипарский указывает, что впервые этот взгляд был сформулирован в книге Ю. Шереха (Шевелева) [Jьerex 1952: 39–40], который пришел к выводу, что в праславянском языке числовые слова не образовывали единой системы, отличаясь морфологической неоднородностью и пестротой синтаксических связей. Ю. Шерех заключает, сосредоточив в своем труде основное внимание на анализе украинского диалектного и литературного материала: числительные в славянских языках принадлежат не только к разным основам (*-i*-основам, консонантным основам), но и разным классам (местоимение – *два*, «адъектив-субстантив» – *три*, *чотири*, субстантив – *п'ять* и далее). Этому соответствует разнообразие синтаксических связей: согласование с двойственным числом (2), согласование с множественным числом (3 и 4), управление (5 и далее, но не 11, 12, 13, 14). Вероятно, к этому подталкивала предшествующая научная традиция, в которой выделение числительных, по существу, основывалось на генетической типологии и сочеталось с грамматическим отождествлением числительных с прилагательными и существительными, что было обусловлено господством морфологической теории частей речи. А. Мейе [1951: 369–370] отмечал: «В то время как склоняемые числительные “один, два, три, четыре” остались нормально склоняемыми прилагательными, следуя индоевропейскому обыкновению, числительные от “пяти” до “десяти”, которые в общеиндоевропейском языке были несклоняемыми, заменились отвлеченными существительными *пѣтъ* “пятерка”, *шестѣ* “шестерка”, *седмѣ* “семерка”, *осмѣ* “восьмерка”, *декаѣтъ* “девятка”, являющимися основами на *-й-*, и *десаѣтъ* “десятка” (и далее во всех названиях десятков), являющимся основой на согласную; числительное *сѣто* – также существительное». Остались неясными источники этой замены – индоевропейские, к чему склоняли исследования по этимологии, или собственно славянские. В. Вондрак [Vondrak 1928: 65] видел в славянских количественных числительных от «пяти» до «десяти» существительные с собирательным значением. Вполне вероятно, что оба исследователя в своих дефинициях имели в виду лишь субстантивные

грамматические свойства числительных. Вместе с тем нужно уточнить, что точка зрения Ю.Шереха гораздо радикальнее и его рассуждения касались не столько праславянского языка, сколько исторических славянских языков.

Встречаются примеры совмещения разных терминов. Так, в известном акцентологическом исследовании А.А.Зализняка [1985: 133–139] древнерусские лексемы *дѣва*, *оба*, *три*, *четыре* именуются числительными, слова *пять*, *шесть*, *семь*, *осмь*, *девять*, *десять* — счетными существительными, а сочетания вроде *пять десять* и *одинъ на десяте* снова связываются с числительными.

Формирование «новой» части речи в имеющихся работах, по существу, так или иначе отождествляется со становлением современной литературной, прежде всего словоизменительной нормы, в которой числительные обретают черты морфологической самостоятельности. Г.А.Хабургаев наиболее ясно выразил подобный взгляд на проблему числительных: «Если к древнерусским счетным словам подойти с позиций тех признаков, по которым числительные должны быть выделены в самостоятельную часть речи в современном русском языке, то придется признать, что в период древнейших восточнославянских памятников такого разряда имен (числительных как части речи) выделять нет оснований» [Хабургаев 1990: 259].

Однако нельзя забывать о том, что «счетные слова» вовсе не являются древнеславянским приобретением, а составляют один из древнейших корнесловов праиндоевропейской эпохи (см. [Мейе 1951: 398]). Было бы ошибкой частичный грамматический синкретизм числительных, существительных или прилагательных отождествлять с их полной частеречной идентичностью. История славянских числительных заключается не в движении «от небытия к бытию» (т.е. в их весьма позднем появлении), а в особенностях их морфосинтаксической динамики. Уже в рамках традиционного частеречного учения с его триадой флексивных форм, синтаксической функции и лексического значения древнеславянские числительные должны быть выделены в самостоятельный класс слов, если не брать за скобки какое-нибудь из трех оснований классической частеречной теории. Много сделавший для изучения славянских числительных А. Е. Супрун [1990], к сожалению, выбирает именно этот путь, когда, считая числительные универсалией в лексическом плане, полагает, что грамматические особенности числительных в разных языках могут свидетельствовать об их вхождении в другие части речи. Если и исходить лишь из функционально-семантической обособленности числительных, то нельзя не заметить, что она всегда хорошо сознавалась и способствовала закреплению в истории русских числительных тех свойств, которые обеспечивали развитие их грамматической обособленности.

Иллюзия частеречной неразвитости числовых слов у славян коренится в том, что не были прояснены их функционально-семантические свойства и морфосинтаксическая природа, которые определяли все последующие их грамматические трансформации.

Новые основания в исследовании древнеславянских числительных и неизвестные данные из рукописных источников недавно были представлены в наших работах (см. [Жолобов 1998б; 2001; 2002а; 2002б; 2002в; 2003а; 2003б; 2003в; 2004а; 2004б; 2004в; 2004г; 2004д; 2004е; 2005а; 2005б; 2005в; 2005г; 2005д; 2006а; 2006б]).

В предлагающемся ниже изложении обосновывается частеречная стратификация древнеславянских числительных. В работе используются разыскания современной компаративистики, а также типологические параллели и сведения, которые представляет *philologia sacra*. Существенное место в исследовании отводится критическому разбору славистической литературы, относящейся к данной проблематике.

1.1. О ЧАСТЕРЕЧНОЙ ПРИРОДЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Отказ от признания частеречного статуса числительных и растворение числительных среди слов других частей речи довольно распространены в современной славистике. Оно контрпродуктивно в разных отношениях, в том числе с точки зрения практической грамматики. По словам А.Ф.Лосева [1965: 29], «язык не есть чистая логика. Он есть практическое мышление, извлекающее из объективной действительности те моменты, которые необходимы для общения людей, и те моменты из чистой логики, которые в результате сложнейшей модификации могут стать орудием разумного общения; поэтому логически даваемое определение любой языковой категории и любого языкового правила всегда и обязательно содержит массу всякого рода “исключений” и натывается на массу всякого рода языковых неожиданностей. Но все эти исключения и неожиданности как раз и являются закономерным результатом человеческого общения, которые нужно формализовать отдельно; да еще неизвестно, можно ли их формализовать, если вся их сущность часто только и заключается в неожиданности и никакому обобщению не поддающейся единичности». Обособленность числительных как особого класса слов хорошо сознается, потому что они являются **названиями чисел и цифр**. По этой причине в большинстве работ термин «числительные» сохраняется, несмотря на то, что существование их как самостоятельной части речи в древнеславянских языках ставится под сомнение. Так, А. Е. Супрун [1961], кото-

рый полагал, что числительные в славянских языках сложились довольно поздно, свою книгу, посвященную функционированию числовых слов в старославянских памятниках, назвал «Старославянские числительные». Он мотивировал свое решение следующим образом: «...Поскольку в дальнейшем числительные в славянских языках стали особой частью речи, **полезно** (здесь и далее выделено нами — *О. Ж.*) рассмотреть старославянские «числительные» не с другими частями речи (существительными, прилагательными), к которым эти «числительные» примыкают по своим грамматическим свойствам, а **отдельно**» [Супрун 1961: 6]. В разделе «порядковые прилагательные» автор использует новый термин — субстантиват «порядковые», сбиваясь иногда на обычное «числительные» [Супрун 1961: 23–29]. Теми же принципами он руководствуется в своем основном труде — «Славянские числительные» [Супрун 1969: 20–21 и др.]. Включение порядковых числительных в разряд прилагательных неправомерно, поскольку «порядковость» или «порядковая счетность» является произвольным дополнением к общей адъективной семантике, состоящей в обозначении качества (а не порядка следования при счете). Кроме того, трудно считать прилагательными образования вроде *третини на десѣте* или *сто сорок пятый*, которые отсутствуют в системе собственно прилагательных. Именно на этих основаниях порядковые числительные были выделены в докторской диссертации И. М. Багрянского [1960: 13].

Нечеткость, размытость функционально-семантических критериев при выделении числительных хорошо видна и в другом. А.Е.Супрун [1959: 46; 1969: 25] и И.М.Багрянский [1960: 9] вслед за В.В.Виноградовым [1938: 141–144] выделяют неопределенно-количественные числительные *сколько, столько, несколько, много, немного, мало, достаточно*, которые не имеют обобщенной нумеративной семантики, не являются названиями чисел и не используются при счете, а поэтому к числительным относиться не могут. Своего рода недодифференциация отличает и подход, представленный в Грамматике-80. Здесь также выделяются неопределенно-количественные числительные, хотя они не являются названиями чисел. Числительное здесь определяется так: «Имя числительное — это часть речи, обозначающая количество и выражающая это значение в морфологических категориях падежа (последовательно) и рода (непоследовательно)» [Грамматика-80, 1: 573]. Слова *мало, немало* включаются в разряд неопределенно-количественных числительных, хотя не имеют категорий ни падежа, ни рода. Слова *сколько* и *столько*, которые отнесены к неопределенно-количественным числительным, склоняются как местоимения, которыми их и следовало бы считать, учитывая их прономинальную семантику. В отличие от числительных они способны образовывать со-

четания с существительными в РП ед., обозначающими неисчисляемые сущности: *много шуму, сколько воды* и под.

Приходится признать, что академические «Грамматики», к сожалению, не вполне определились с характером синтаксических связей количественных числительных. Так, в Грамматике-70 сначала используются терминообозначения «определяемое числительным существительное», что предполагает синтаксическую зависимость числительных от существительных [Грамматика-70: 308]. Затем же указывается, что «главенствующее слово — числительное (не имеющее формы рода и числа) в форме косвенного падежа согласуется с зависящими от него существительными» [Грамматика-70: 489]. Здесь не ясен тезис о том, почему главенствующее слово согласуется с зависящим существительным (а не наоборот). В Грамматике-80 также говорится вначале, что числительные согласуются с существительными (т.е. грамматически зависят от них) [Грамматика-80, I: 574]. Затем дается указание, из которого можно заключить, что речь идет о взаимном уподоблении слов: «К связи согласования относится правило уподобления — во всех формах косвенных падежей... числительного и существительного» [Грамматика-80, II: 56]. Однако далее говорится, что в косвенных падежах «существительные согласуются с количественным числительным в падеже» [Грамматика-80, II: 78].

Традиционное отнесение древнеславянских числительных *дѣка*, *триѣ* и *четѣриѣ* к прилагательным, а числительных *пѣтъ* или *десѣтъ* к существительным мало что проясняет, а для практической грамматики является просто помехой. И в том, и в другом случае потребуются дополнительные разъяснения правил употребления этих слов, которые сведут на нет целесообразность вышеназванных частеречных дефиниций. Так, слово *дѣка* нельзя считать прилагательным не только потому, что оно имеет особое значение, но и потому, что оно принадлежит к местоименному, а не именному или членному деклинационному образцу. Числительные *триѣ* и *четѣриѣ* нельзя признать прилагательными не только потому, что по значению они примыкают к словам *пѣтъ*, *шестѣ* с неадеквативной семантикой, но и потому, что они склоняются по основам на *-i* и согласный, а прилагательные у славян изменяются лишь по основам на *-o/-jo* и *-a/-ja*. Числительное *десѣтъ* отличает не только собственно количественное значение, но и морфосинтаксические особенности, не свойственные существительным. Так, у него в древнеславянском развивается смешанный грамматический род: ср. РП ед. муж. *полѣ пѣтъ десѣте*, ТП ед. жен. *десѣтиѣ, десѣтъю*. Различаются его формы в свободном и синтаксически связанном употреблении: МП ед. *дѣка на десѣте*, о *десѣти дѣкъ*. Уже в наиболее ранних памятниках пись-

менности числительные ПАТЬ или ДЕСАТЬ образуют не только привычные сочетания с управлением о ПЯТИ или о ДЕСЯТИ Д'КЪЪ, но и новые конструкции с соположением о ПЯТИ или о ДЕСЯТИ Д'КЪАХЪ.

«Проблема, касающаяся сущности частей речи и принципов их выделения в различных языках мира, — одна из наиболее дискуссионных проблем общего языкознания» [Плотникова 1990: 578]. Традиционное частеречное учение опирается на три основания — морфологическое, синтаксическое и семантическое, однако с разными акцентами — на единстве или различиях слов, входящих в тот или иной частеречный разряд. Так, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» В. М. Живов [1990: 578] исходит из следующего определения: «Части речи — классы слов языка, выделяемые на основании общности их синтаксических, морфологических и семантических свойств». В.М.Живов отмечает, что эти основания образуют иерархию признаков, которые неодинаково оцениваются в разных лингвистических школах. Б.А.Серебренников [1990: 579] в этом же издании принимает другую формулировку традиционной теории: «Наконец, части речи рассматриваются как лексико-грамматические разряды слов, которые отличаются друг от друга не только рядом грамматических черт (морфологически — изменяемостью и неизменяемостью, способом изменения, парадигматикой; синтаксически — способами связи с другими словами и синтаксической функцией), но и лексически». Сам Б.А.Серебренников считает обоснованной и приемлемой концепцию функционально-семантических разрядов слов.

По существу, функционально-семантическую концепцию частей речи следует считать частным случаем традиционной теории, когда два ее основания — морфологическое и синтаксическое — выражены не вполне отчетливо или не выражены вовсе, а третье основание — семантическое — выступает достаточно явственно. Традиционная теория не дает ответа на вопрос о том, как именно следует поступать в случае совпадения грамматической оформленности слов и стоит ли в этом случае обращаться к последнему и решающему критерию — расхождению в обобщенных семантических свойствах. Фактически это третье основание обычно не берется в расчет, хотя это, казалось бы, противоречит исходным теоретическим постулатам. Так, А.Е.Супрун [1990: 583] отмечает, опуская третье — семантическое — основание и никак это не комментируя: «В одних языках числительные обладают специфическим набором грамматических свойств, позволяющим вычленять их в особую часть речи: например, в русском языке особую часть речи составляют количественные и собирательные числительные. В других языках **по грамматическим свойствам** (выделено нами — *О. Ж.*) числительные относятся к различ-

ным частям речи — существительным, прилагательным, местоимениям, наречиям». Близкую аналогию к случаям грамматического синкретизма представляет омонимия, которая является обычным фактом в разных языках и которая вовсе не означает тождества формально совпадающих единиц.

Понятно, что морфологическая составляющая частеречной теории, которая в старых работах ставилась во главу угла, может носить лишь вспомогательный характер, потому что далеко не все слова имеют морфологические показатели (ср. неизменяемые прилагательные в старославянском: *испльнь*, *скобода*, *различь*, *соугоубь*, *оудокь*). Иначе обстоит дело с синтаксическими показателями, поскольку они носят более регулярный характер. Опора на синтаксические параметры — здесь нельзя не согласиться с В.М.Живовым — позволяет основывать частеречные дефиниции на достаточно строгих формально-грамматических основаниях. В то же время игнорирование семантических критериев следует признать методологической непоследовательностью, если их значимость зафиксирована в постулате о триаде частеречных оснований.

В новых частеречных построениях три части традиционной теории по-прежнему занимают важное место, хотя и дополняются новыми положениями. В этих работах выделяются следующие частеречные основания: семантика, синтаксис, прагматика и автономность [Schmid 1994]; формальные параметры (словоизменение, деривация, дистрибуция), синтаксические параметры (потенциальная реакция на синтаксические категории), онтологическо-семантические параметры (отношение к онтологическим категориям или семантическим классам), дискурсивно-прагматические параметры (отношение к основополагающим положениям дискурса) [Sasse 1993].

В соответствии с новыми теоретическими представлениями, которые согласуются с научной традицией, обособленность числительных как частеречного класса задается их парадигматическими и синтагматическими свойствами, среди которых наиболее яркой особенностью является **строгая упорядоченность и иерархичность семантической организации** (см. [Gvozdanović 1992: 5–6]). Рассматривая систему числительных, нужно иметь в виду, что **концепт ‘ряд или последовательность’ является в этом случае основным**, а значение числительного определяется его местом в ряду или серии — по существу, в лексической парадигме (см. [Hurford 1987: 86 и сл.; Stampe 1977: 596]). Числительным свойственна семантическая асимметричность: так, значение ‘4’ включает в себя значение ‘3’, но обратное неверно. Научная традиция указывает на такую особенность числительных, как отсутствие «дескриптивного содержания», а применение дистрибутивного подхода позволило обнаружить «бицентризм» ко-

личественных выражений. «In brief, numerator and denominator are semantically complementary, joint heads. The numeral phrase is strictly speaking twin-headed (didymocentric or dicentric)» [Andersen 1997: 12, 15].

Типологические материалы подтверждают частеречный статус числительных: здесь обнаруживается большое разнообразие морфосинтаксических параметров, которые, имея зачастую именной генезис, носят служебный характер и не деформируют функционально-семантической природы числительных. См., например, [Мещанинов 1978]. Ср., в частности, следующее замечание: «Тем самым даже в гилицком языке с его инкорпорирующим построением членов предложения числительные оказываются обладателями таких свойств, которыми другие имена не отличаются» [там же: 265]. Пристальное внимание к разным сторонам изучаемого предмета не должно заслонить целого, как того требует принцип системности описания (см. [Журавлев 1991: 33–34]).

Кроме отмеченных частеречных особенностей, отдельно необходимо рассмотреть общие формально-грамматические черты древнеславянских числительных, которые отличают их от слов других частей речи.

1.1.1. СЧЕТНАЯ И КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ФУНКЦИИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

В свое время В. В. Виноградов [1938: 126] проницательно указал на «грамматическую антитезу прямых (именительного и винительного) и косвенных падежей в системе склонения имен числительных», четко не назвав источников этого явления. Он имел в виду выразительную мену синтаксической функции числительных по отношению к существительным в количественных сочетаниях: «определяемые» родительным падежом существительных числительные в прямых падежах становятся «определяющими» в косвенных (ср.: *съесть пять булок vs. встретиться с пятью знакомыми*), а также «резкий разрыв» между прямопадежными и косвеннопадежными формами сложных числительных (ср.: *пятьдесят vs. пятидесяти, пятьюдесятью*). Указанные факты обнаруживают в явлениях грамматики функциональное расслоение числительных, которое до сих пор не было отмечено. Числительные выступают в двух функциях — счетной и количественной.

В счетной функции числительные употребляются самостоятельно, автономно, образуя синтаксическую последовательность, своего рода счетный текст, где каждому слову отведено строго определенное место, а перестановки невозможны. Счетный текст выступает в двух взаимосвязанных разновидностях: *ѣдинѣ < *edinъ, двѣ < *dъva, трѣ < *trъje, четѣри < *četyre, пѣтъ < *pęть* и т.д.; *първѣи < *pъrvъjъ, вѣторѣи < *vъtorъjъ, трѣти < *trętъjъ,*

ЧЕТВЪРЪТЪИИ < *četvŕtŕjь, ПАТЪИИ < *pętŕjь и т.д. Счетный текст может подразумевать или же включать обозначения считааемых предметов.

В счетной функции грамматическая природа числительных никак не проявляет себя. В этом случае все морфологическое разнообразие форм сходится в одной «начальной» форме. Условно можно говорить о неизменяемости числительных в счетной функции. В этом случае существен лишь синтаксический порядок слов, который вместе с тем обуславливает морфонологическое сближение соседних слов. Оно фиксируется этимологами во всех языках и является характерной частеречной особенностью числительных (ср. Auslaut-или Anlaut-«рифму» в древнеславянских лексических парах ПАТЪ, ПАТЪ – ШЕСТЪ, ШЕСТЪ; СЕДМЪ, СЕДМЪ – ОСМЪ, ОСМЪ; ДЕКЪТЪ, ДЕКЪ(ТЪ) – ДЕСЪТЪ, ДЕСЪ(ТЪ); звукообраз числительного ‘9’ здесь полностью подчинило себе следующее за ним числительное ‘10’). Эта черта славянских числительных имеет массу типологических параллелей. Например, в финно-угорских меченых и немеченых парах у числительных просматривается парная организация счета. Она выражается с помощью присоединения дейктической частицы *t* к так называемым меченым парам (см. [Серебренников 1965: 26]). Таким образом, счетная последовательность обладает свойствами связного текста, а одним из композиционных приемов в нем выступают черты рифмического сближения.

Счетный текст можно считать синтаксическим тестом на частеречную принадлежность к числительным. Принадлежность того или иного слова к числительным легко устанавливается по тому, возможно или нет его включение в счетную последовательность. В счетный ряд не допускается введение слов других парадигматических классов. Ни подлинные существительные, ни прилагательные, ни местоимения в этот замкнутый класс слов не могут быть включены, потому что они не входят в счетные синтаксические последовательности. Счетный ряд не обладает таким свойством частеречных парадигм других имен, как синонимия. Каждому слову здесь отводится строго определенное место, а синонимические замены, как правило, невозможны. В праславянском языке синонимия связана лишь с «первочислительным» **dьva* и его порядковым коррелятом **vьtŕarŕas* > **vьtorь*, которые имеют «двойников» (местоимение и прилагательное) **ŕaba* > **oba* и **drau* > **drugь*. Однако эта синонимия носит неполный характер, так как местоимение **ŕaba* может употребляться в количественных сочетаниях, но не допускается в счетном ряду. Отражением этой синонимии является также композит-двандва **ŕabadьva* (см. [Жолобов, Крысько 2001: 37]).

Счетный текст носителями языка должен заучиваться наизусть. Эта частеречная особенность числительных вызвала к жизни особый жанр счетно-перечислительных текстов, который принято считать весьма архаичным.

Множество примеров рассмотрено в исследовании В. Н. Топорова [1980]. Парная организация счетных текстов может быть соотносительна с оппозицией «чёт-нечёт» в балто-славянской мифологии (об этой оппозиции см. [Мифы 1997: I, 153; II, 452]). С этим, вероятно, имеет какую-то связь парное членение индоевропейского пантеона (о парной структуре пантеона см. [Дюмезиль 1986: 64–66]). Парное разбиение отчетливо представлено в считалках, текстовая структура которых может быть весьма архаичной. См., например: *Первой, другой – Изба с трубой, Три, четыре – Меня прицепили, Пять, шесть – Бьем шерсть, Семь, восемь – Сено возим, Девять, десять – Деньги весят, Одиннадцать, двенадцать – На улице бранятся. Бабы, мужики, Мальцы-озорники, Душка Матрешка Глядите в окошко: Здесь Семен – Он выйдет вон!* Мудр-Нар, 315. В отраженном виде парное членение счетного ряда представлено в звукописи рифмуемого с числительными словосочетания (ср.: *Семь, восемь – Сено возим*). Следует обратить внимание на то, что в одном текстовом ряду здесь находятся порядковые и количественные числительные.

Употребление числительных не ограничено лишь счетной функцией, о которой до сих пор говорилось. Не менее важной в речи является количественная функция, в которой числительные в полной мере реализуют свою морфосинтаксическую природу. См., с учетом и порядковой параллели, например:

ТЪИ ОТЬ ЧЕТЫРЪ СТОУХИИ ТВАРЬ СЪСТАВЛА • ЧЕТЫРЪМИ КРЪМЕНЪИ • КРЪЖЪ
ЛЪТЮУ КЪНАЧАЛА ЕСИ Евх 3б 25–26 [ССС: 778]; ДЪКА ДЪЖАНИКА КЪАШЕТЕ
ЗАМОДАКАЦЮ ЕТЕРОУ • ЕДИНЪ КЪ ДЪЖАНЪ • ПАТЫЖ СЪТЪ ДИНАРА • А ДРОУГЪИ
ПАТЫЖ ДЕСАТЪ Л 9, 14 Зогр Мар [ССС: 562]; ОТЬ ШЕСТЪНА ЖЕ ГОДИНЪИ • ТЪМА
КЪИС<ТЪ> ПО КСИИ ЗЕМЛЪИ • ДО ДЕКАТЪНА ГОДИНЪИ Мт 27, 45 Зогр Мар Ас [ССС:
790] и мн. др.

Разграничение счетной и количественной функций числительных представлено сравнительно-типологическими данными. Так, в общекельтском синтаксически противопоставлены числительные, когда они сопровождают имя (подчиненные числительные) и когда употребляются самостоятельно. Перед самостоятельными числительными ставится частица *a* [Льюис, Педерсен 1954: 233]. В чувашском языке краткие формы числительных употребляются при конкретном счете с указанием предметов, а полные числительные, т.е. формы с удвоением корневого согласного, — при отвлеченном счете [Щербак 1977: 139–140]. Ср. также независимое употребление числительного *один* и основы *одн-* в количественных сочетаниях в русском языке и в других славянских языках. Ср. также возможность включения в счетную последовательность слова *раз* (*раз, два, три...*), тогда как в количественных выражениях это не допустимо (*Он взял одно яблоко vs. *Он взял раз яблоко*). Источником

этой инновации в разговорной речи стали количественные выражения (*один раз, два раза, три раза...*)

Особая природа числительных проявляется во всей полноте при обозначении количества в речи, в тексте, когда они соотносятся с приложением количественных показателей к предметно-вещному миру. Собственно, именно количественные представления и придают окружающему миру пространственную, а также временную очерченность и определенность, так что числительным принадлежит ведущее место в пространственно-временном освоении мира. В речи, в тексте числительные образуют квантитативные конструкции, для описания которых необходимо выйти за границы морфологии, обратившись к комплексным — морфосинтаксическим — образованиям.

Отмеченная В.В.Виноградовым «антитеза» прямопадежных и косвеннопадежных форм, отличающая числительные от слов других частей речи, отражает дальнейшее грамматическое расподобление счетной и количественной функций числительных. Прямопадежные и косвеннопадежные формы числительных имели разную логику развития, поскольку прямопадежные формы совпадали со счетным употреблением, а косвеннопадежные указывали не на счетный ряд, а на фиксированное количество. Это расподобление отражают уже наиболее ранние письменные источники.

1.1.2. ПРОСТЫЕ И СОСТАВНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Числительные образуют систему с четкими формально-грамматическими особенностями. В древнеславянской речи почти бесконечный счетный ряд задается строго упорядоченной комбинацией лишь двенадцати простых числительных в количественной или порядковой разновидности — ‘1’, ‘2’, ‘3’, ‘4’, ‘5’, ‘6’, ‘7’, ‘8’, ‘9’, ‘10’, ‘100’, ‘1000’. Образование сложных числительных в древнеславянском связано с фиксированными морфосинтаксическими моделями (см.: *пѣтъ на десѣте — пѣтъи на десѣте, шестѣ на десѣте — шестѣи на десѣте* и под.; *пѣтъ десѣтъ — пѣтъдесѣтъи, шестѣ десѣтъ — шестѣдесѣтъи* и под.). Другие имена не имеют таких морфосинтаксических особенностей и не могут образовывать подобных сложных образований.

1.1.3. КОРРЕЛЯЦИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ И ПОРЯДКОВЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Количественные и порядковые числительные в известном смысле взаимобратимы: когда называется числительное **pęть*, подразумевается, что последнее звено в счетном ряду — **pęтьjъ*; когда называется числительное **pęтьjъ*, подразумевается, что счет достиг ‘5’. Это последнее свойство числительных за-

фиксировано в особой счетной модели, имеющей индоевропейское происхождение, — **samъ pęťь*, **samъ desęťь* (т.е. всего — вместе с самим считающим или с одним из выделенных лиц — пятеро, десятеро). См.:

радѡуѡ же сѡ александрѡ кѡскочи кѡ скокрадѡ · кѡдинѡ же кѡниде · а
кѡистѡ видѣти кѡ скокрадѣ самого третина Супр 158, 1; *сама ѡсма* приде
БГД XIII, 13г (octava) [SJS, III: 566]; а Ростислава всади в лодью толико *само-*
го ли четверта пусти и к ѡцю ЛЛ 1377, 107 (1149).

Взаимодополнительность количественных и порядковых числительных в праславянском закрепила в особой морфосинтаксической модели, которая использовалась при половинном счете: **polъ pęta* букв. ‘половина пятого’, т.е. ‘четыре с половиной’, **polъ tretъja na desęte* букв. ‘половина тринадцатого’, т.е. ‘двенадцать с половиной’. Ср. с современными разговорными указаниями времени: *полпятого*, *полдевятого* и под. Порядковые числительные здесь фиксируют объемно-дробный состав считаемых предметов.

Прочная связь количественных и порядковых числительных в древнеславянском может быть подтверждена многими текстуальными примерами. См., в частности:

Пятый образъ болии *четыре* ѡсть Изб 1076, 225; раздѣлати же таковѡ
слоужениѡ · творащимъ на *три* чины · и *първыи* наричати игоумену · *въто-*
рыи же иконому · *третии* же коутьникоу УСт XII, 239 об.; и оубиша новго-
родци *два* воководѣ · а *третии* роуками ѡша ЛН XIII₂, 87 об.; се соуть ѡбрази
лоуньнии *четыре* · *а·ж* же новѡ глѡть(с) · мѣсачьнии наричють · *в·ж* пере-
крои · *г·ж* · ѡбоѡмо горбаво · *д·ж* свѣтло КН 1285–1291, 566а–б; платити ѡмоу
· *д·* грѣны · а *пята* ѡмоу переима · оже боудеть роба · ть · *е·* грѣнь · а *шестая*
на переѡмъ ѡходить РПр сп. 1285–1291, 626г; оу радеха · *ѣ·* деже овса ·
десята а коуно ... грѣне оу мильслава · со милонего · *ѣ·* деже овса · *десята*
ГрБ № 320/337 (XIII/XIV); быша · *г·* братьѡ · *единому* имѡ Кии · а *другому*
Щекъ · а *третьему* Хори(въ) ЛЛ 1377, 3 об.–4; Члвкъ некыи · имѡше · *г·*
другы *двою* люблаше · и чташе · а на *третьемъ* велми небрѣжениѡ · имаше
Пр 1383, 40г; буди не ѡ *девати* безъблг(д)тъникъ · но *десятаго* подражаи ГБ
к. XIV, 41а; ѡтъ бо бѣ *два* копиема под ни(м) конь · а *третьимъ* въ перед-
нии лукъ · сѣделныи ЛИ ок. 1425, 149.

Наиболее часто в текстах наблюдается такое соотношение количественных и порядковых числительных, которое выступает и при счете: количественные числительные обозначают некое фиксированное множество, а порядковые числительные называют относительную последовательность его

нахождения в количественном ряду. В приведенных источниках это обычно связано с противопоставлением или сопоставлением предметов, которых достиг счет, с предыдущими предметами, количество которых определено. Другой тип контекстов связан с тем, что каждый предмет, входящий в фиксированное множество, может быть соотнесен с тем или иным местом в счетной последовательности. Все это доказывает, что **счет и количество не мыслимы без двух данных типов числовых слов и не могут быть выражены без пересекающегося использования как количественных, так и порядковых числительных**. Ничего подобного нет в других лексико-грамматических классах слов.

Эти разряды числительных, будучи функционально взаимосвязанными, предполагают морфологическое выражение коррелятивных отношений. В праславянском корреляция количественного и порядкового счетных рядов нашла яркое формально-грамматическое выражение. Она **проявилась в восстановлении регулярных морфологических отношений между количественными и порядковыми числительными**. В языке-предке — в индоевропейском праязыке — соотносительность количественных и порядковых числительных имела отчетливое морфологическое выражение: порядковые числительные образовывались от количественных в результате тематизации или суффиксации (см. [Szemerényi 1960: 68]). В праславянском языке морфологически ясный характер этого соотношения был утрачен по фонетическим причинам, а восстановление было обусловлено **внутричастеречными факторами — как генетического, так и функционального характера**. У славян точкой отсчета в этом изменении не могли не стать порядковые числительные, так как они **сохраняли морфологически ясный именной характер**. Поскольку исконные порядковые числительные **šesta*↑*s*, **septma*↑*s* являлись склоняемыми именами, не могли не наследовать именной природы и функционально соотносительные с ними праславянские **šes*, **septъn* (см. [Жолобов 2001: 96–97; 2003а: 163]). Только имея в виду названную корреляцию, можно понять, почему ожидаемое **še* < **šes* < **(k)s(w)ek's* заменилось на **šestъ*; вместо ожидавшегося **setъ* или **setę* < **septъn* < **septm* Ѹ утвердилось **se(d)тъ* и т.д. Понятно, что прилагательные, с которыми отождествляют часто порядковые числительные, с количественными числительными ни грамматически, ни текстуально не связаны.

Сами порядковые числительные уже начиная с праславянской эпохи формально-грамматически противопоставлены прилагательным: в отличие от прилагательных, которые, как правило, могли выступать и в членной, и в именной формах, числительные употреблялись лишь в членных формах, а именные формы у них строго специализированы: они выступали лишь при

половинном счете **polъ pęty, polъ devęty męry* и в счетных выражениях со считающим субъектом **samъ devęty*. Стяженные формы раньше закрепились в словоизменении числительных, а не прилагательных.

1.1.4. СОСТАВ КВАНТИТАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ: ИСХОДНОЕ СОСТОЯНИЕ И ИННОВАЦИИ

Древнеславянские числительные образуют упорядоченный ряд **морфосинтаксических групп** — **парадигму квантитативных конструкций**, реализующих однородную счетную или количественную функцию (см. [Жолобов 1997б: 45; 2001: 102]):

(1) квантитатив одного: **edinъ vozъ, *edina męra*; (1₂)¹ **edinъ na desęte vozъ*;

(2) квантитатив двух: **dvъna voza, *dvъne męrę*; (2₂) **dvъna na desęte voza (vozъ)*;

(3) малый квантитатив: **trъje, četyre vozi, *tri, četyri męry*; (3₂) **trъje na desęte vozi (vozъ)*;

(4) большой квантитатив: **pęty vozъ, *pęty męrъ*; (4₂) **ľesty na desęte vozъ*;

(5) половинный квантитатив: **polъ vъtora, polъ pęta voza, *polъ vъtory, polъ pęty męry*;

(6) собирательный квантитатив: **dvъvoji, troji, pęteri pълci, *dvъvoje, troje, pętery kъnigъ*.

См. в древнеславянской письменности:

(1) вѣзвраща^{ше} сѧ дати слава бѣи. тѣкмо сѧ едина иноплеменника Сав: Лк 17, 18; окомоу же дастѣ патѣ талантѣ. окомоу же дѣва. окомоу же едина Мар: Мф 25, 15; намъ же прѣдѣлжитѣ не о единомѣ мѣченицѣ чюдити сѧ ни о дѣвою • ни о десяти чисма кста блажимѣишѣ мѣ сѣтѣ мѣжѣ Супр 82, 1; (1₂) единѣ же на десяти оученикѣ цдоша въ галилеѣ Зогр: Мф. 28, 16;

(2) ничесоже не вѣзвѣте на пѣтѣ. ни жѣзла ни пирѣ ни хлѣба. ни сребра ни дѣвою ризоу ни мѣди Сав: Лк 9, 3; никѣ же раба не можетѣ дѣлѣма гѣма работати Зогр: Мф. 6, 24; не роди ли того въ поуствѣни асинстѣни посрѣдѣ дѣвою дѣвою Супр 8, 5; (2₂) ѡвѣща іс не два ли на десяти часа кста въ днѣ ЕВА 1092: Ин 11, 9;

(3) разарѣни црѣковѣ. и трѣми дѣньми сѣзиданѣ ѣ Зогр: Мф. 27, 40; по трахѣ дѣнехѣ • обрѣтосте і въ црѣкѣе сѣдѣштѣ Зогр: Лк 2, 46; тѣ отѣ четѣрѣ стоуѣни тѣара сѣставла • четѣрѣми вѣременѣи • крѣгѣ лѣтоу

¹ (1₂) содержит индекс обозначений второго десятка.

вѣнчала еси Евх, 3б [ССС: 778]; (3₂) и по *трѣхъ на десѣте днѣхъ* оумрѣша ПС к. XI, 182 об.;

(4) о *пѣти хлѣбѣ* Мар, 43б; *окрѣтоша стѣлаго сакина съ инѣми шестинѣ* *братиа* Супр 145, 30 – 146, 1²; и по *осми денѣ* пакѣ вѣлахъ вѣнѣтра оученици его Ас: Ин. 20, 26; (4₂) вѣ же витаниѣ близѣ имѣ • вѣко *пѣта на десѣте стѣдии* Мар: Ин. 11, 18;

(5) а не присълеши ми *полоу пѣты гривны* а хоцоу ти выроути въ та лоуцьшаго новьгорожанина ГрБ (смол.-полоцк.) № 246 (20–50 XI); хвѣ же оугодьникъ • за *полоу вѣтора лѣ^м* въ змурьскѣмъ стражищи • съ блѣгодарениѣмъ тѣрпѣше всѣ ЖФСт к. XII, 141 об.;

(6) *дѣкоу люде* вѣ сионѣ • вѣ вѣрѣма хѣвѣнѣи мѣцѣ придѣ Клоц, 136 [ССС: 201]; *четворѣ* вѣ сѣтѣ вѣса • о томѣ различѣ намѣ сѣказанѣшта Супр 370, 11–12; *приимѣ десѣторо братиа* хотѣшта сѣ сѣспѣсти Супр 279, 15.

Сочетания с составными числительными образовывали квантитативные комбинации. Числительное ‘2 Ч 10’ представляло собой дуальный квантитатив, а существительное в сочетании с ним имело форму РП мн., как в большом квантитативе: **dъva desęti vozъ* (дѣша еи дѣа десѣти златицѣ Супр 515, 2). Числительные ‘3 Ч 10’ и ‘4 Ч 10’ представляли собой малый квантитатив, а существительное в сочетании с ними также получало форму РП мн., так что возникала комбинация малого и большого квантитативов: **trъje desęte, četyre desęte vozъ* (приша три десѣти сѣребраникѣ цѣнѣ цѣнендего Ват: Мф. 27, 9). Числительные ‘5 Ч 10’–‘9 Ч 10’ представляли собой большой квантитатив, который дополнялся существительными в РП мн.: **se(d)mbъ desętъ vozъ* (дми^н глѣ камѣ. радоеуѣтѣ сѣ еи. паче неже дѣдѣти десѣтѣ и ѣти. непогѣбѣшихѣ Сав: Мф. 18, 13)³. Смешанный тип образуют и конструкции с половинным счетом вроде **polъ pęta desęte vozъ*, где субстантивный РП мн. обуславливается зависимостью от числительного **desę(tъ)*.

Грамматическая целостность квантитативных конструкций находит продолжение в морфосинтаксических группах с порядковыми числительными, имеющих количественно-определяющее значение.

Составные числительные отражают логику образований, сложившихся в индоевропейскую эпоху. Уже в старославянском эти числительные дают примеры сращения, что, несомненно, обусловлено морфосинтаксическими

² Здесь встречается смысловое согласование по числу инѣми, а не иноѣ и РП ед. собирательного существительного.

³ См. это чтение с использованием древнего обозначения ‘90’ — греческой коппы: радоеуѣтѣ сѣ о неи паче • неже о ѣтѣ и ѣ незадѣждѣшихѣ Ват.

обстоятельствами — их рядоположенностью с простыми числительными и повторяемостью компонента, обозначающего ‘10’ (см. у А. Вайана [1952: 191]: *дѣканадесѣте златицѣ Супр 122, 10* — вместо ожидавшегося *дѣкѣ на десѣте златици / златицѣ*). Когда появились благоприятные морфологические обстоятельства, постоянный член *на десѣте* в числительных второго десятка, которые образовывали сплошной счетно-текстовой ряд, претерпел аффиксоидную трансформацию.

Внутрипарадигматической динамикой обусловлено употребление переходных морфосинтаксических образцов. Функционирование квантитативов как целостных грамматических единиц обуславливает унификацию морфосинтаксических образцов в исходном славянском употреблении. Прежде всего это находит выражение в распределении субстантивных компонентов квантитативов. Так, в дуальном квантитативе (2₂) существительные исконно могут быть оформлены по образцу большого квантитатива (4):

(2₂) *сѣдете и къи на двюю на десѣте прѣстолаѣ • соудѣще дѣкѣма на десѣте колѣнома излѣкома ЕВА 1092: Мф 10, 28*

vs.

(4) *и приставитѣ ми къѣще • дѣкою на десѣте легеонѣ англѣ ЕВА 1092: Мф 26, 53.*

Небезынтересен тот факт, что дв. число существительного здесь определяется структурой числительного ‘12’, а не наоборот — форма числительного дв. числом существительного, тогда как в сочетаниях с простым числительным **dъvěta kolěnota* исконно форма числительного определялась согласованием с формой существительного.

В количественных сочетаниях с числительными ‘3 Ч 10’ и ‘4 Ч 10’ субстантивные формы также варьируются, поскольку, наряду с исконным типом, получает распространение новый вариант, в котором по образцу малого квантитатива вместо РП мн. существительного выступает форма с соположением, или падежной координацией:

Стлаго касилѣ ар’хнеппа кѣсариа кападокиискѣма • похвала о мѣ мѣченицѣхѣ Супр 82, 1 (МП мн. вместо РП мн. мѣченикѣ); ѡкоже по дѣкѣма десѣтѣма и трѣма десѣтѣма чрѣн’цемѣ къ нѣмоу приходить Супр 519, 9 (ДП мн. вместо РП мн. чрѣнца); иже къ поуствѣннѣ шѣста сѣтѣ тѣсѣштѣ прѣкрѣмикѣи • къ четѣрѣхѣ десѣтѣх’ лѣтѣхѣ Супр 290, 15 (МП мн. вместо РП мн. лѣтѣ).

Развитие новых субстантивных форм можно объяснить только тем, что модель сочетания малого числительного с большим была перенесена и на со-

четание с существительным, а сама эта модель выражала отношения падежной координации, а не согласования. Если по своему происхождению образование сочетаний вроде ДП **trьmь desęтьmь*, МП **trьxь desęтьxь* было связано с отношениями согласования малого числительного с большим, то фактическая зависимость имела противоположную направленность, поскольку формы мн. числа числительного *desęть* отдельно не употреблялись и были известны только в связанном виде. Внешним же образом реальность состояла в том, что слова в количественном сочетании имели одинаковые падежные формы. Это соответствовало и логико-смысловым отношениям в количественных сочетаниях, где равнополагались либо названия чисел, либо названия чисел и субстанций. Судя по всему, отношения соположения появились по крайней мере в позднепраславянский период. Соположение выражало собственно нумеративную модель отношений в синтагме.

В большом квантитативе уже в древнейших памятниках действует тенденция к обобщению нумеративной модели с соположением в количественных сочетаниях — по образцу малого квантитатива, где исконно выступало не управление, а соотношение членов, которое **внешне совпадало с простым равенством падежных форм**:

І О ДЕСАТИ ПРАКЕДЪНИКЪ Зоґр: Лк 15, 7

vs.

О ДЕСАТИ ДЕСАТЪ И ДЕСАТИ ПРАКЕДЪНИЦЪХЪ Мар: Лк 15, 7 и под.

Последний пример доказывает, что форма существительного определяется не пресловутым субстантивным статусом числовых слов, а **включенностью в квантитативные конструкции**, в которых числовые обозначения являются смысловым центром рядом с другим — названиями субстанций.

Здесь нужно заметить, что сам РП мн. ч. существительных в составе квантитативных конструкций, вероятнее всего, несет печать функциональной специализации как *genitivus adnumerativus*. Ср. датив в составном числительном в готском *saihs tigum* ‘60’ (см. [Justus 1999: 147]). Дело в том, что этот родительный приименной никогда не чередуется с дательным приименным или адъективным определением, которые у славян обычно предпочитались приименному дополнению в родительном (см. [Мейе 1951: 374–375]). В отличие от этого, у количественных существительных родительный делимого множества может заменяться адъективным определением. См., например:

ДЕМОНЪСКОЕ О МНОЖЕСТВО Евх 53а 18 [ССС: 337]; обаче и се бы безаконниѣ сод<омьско> ѣко въ множьствѣ хлѣбьнѣмь • и въ обилии виньнѣмь питахоуся Изб 1076, 13б; слышащю же оушима св(о)има • дождевное множьство ЗЦ XIV/XV, 74а; Понеже и въ египтѣ монастыри съставлятиса •

и *мнѣшская* собирашася *множ(ь)ства* ЖВИ XIV–XV, 3в. Как уже отмечалось, А. Е. Супрун и И. М. Багрянский отнесли это слово к неопределенно-количественным числительным.

Если существительное *множьство* обычно все же встречается с РП, то другие количественные существительные, напротив, употребляются чаще в сочетаниях с прилагательными. См., например:

Съвыше облѣчеса оче въ силуу · и безоумьныа *плькы бѣсовьскыа* побѣди МинП XI, 127 об.; Побарая за христьяны на *поганыа плькы Половецкыа* Сл. плк. Игор. [Срезн., II: 1747]; Въѣхавше въ *сторожевыи полкъ* въ *Немѣцкѣи*, не вѣдавшу ему *сторожевого полка*, и тако его убиша Псков. I л. 6849 г. [Срезн., II: 1748] и т.д.

1.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОКИ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ. МОРФОСИНТАКСИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В ПРАСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

В праславянском, как и в индоевропейском, господствует десятичная система счисления. Предположения о существовании особой нональной системы счисления у славян (ср. [Соболевский 1926–1927: 451–453; Polívka 1927: 217–223; Unbegaun 1935: 418–419; Љberech 1952: 92; Comrie 1992: 722; Blažek 1999: 282; Витанова 2001: 14–16; ЭССЯ, 4: 220; SP, 3: 80–88] и др.) беспочвенны (см. ниже).

Предполагается, что в индоевропейском десятичный счет сменил более ранний четверичный, в чем находит объяснение двойственное число индоевропейского числительного **ok'to* ~~ъ~~ (*и*) ‘восемь’ [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 849–850; Winter 1992: 13]. В славянских языках сохраняются следы четверичного счисления, потому что сочетания с малыми числительными от *одного* до *четырех* морфосинтаксически противопоставлены сочетаниям с большими числительными начиная с *пяти*. Развитие как четверичного счисления, так и затем счисления десятичного могло быть обусловлено строением самого древнего счетного инструмента — человеческой руки. Пятый, большой палец на руке отделен от других четырех пальцев. Этот палец — «неладонный» [Даль, III: 11]. В некоторых культурах большой палец вообще не считают ‘пальцем’ (см. [Honti 1999: 247]). Можно предположить, что, в отличие от других пальцев, ‘большой’ палец мог использоваться для обозначения более крупной счетной единицы — тетрады или пентады, выступая количественным замещением всей руки. Ср. семантику жеста, связанного с этим пальцем. ‘☞’.

У ближайших соседей славян — в финно-угорских языках — также наблюдается сходное явление, которое можно было бы считать следами четверичного счисления при рано установившемся счете десятками. Так, однокоренные словоформы в венгерском, мансийском и хантыйском имеют значение ‘восемь’, а в финском, коми-зырянском и эрзя-мордовском — ‘четыре’ (см.: хант. *ńiv-əl* и венг. *nyol-c* ‘восемь’, ср. фин. *nelja* ‘четыре’, коми-зырян. *nyl’*, эрзя-мордов. *ńile*, манс. *ńila* и т. д.). Однако Л. Хонти полагает, что представление числительного ‘8’ как ‘4 × 2’ отражает лишь жесты пальцевого счета (см. [Серебренников 1965: 26; Honti 1999: 247]). Это заключение можно считать значимым для индоевропейской реконструкции, если этимологически связывать числительные ‘3’ и ‘4’ с названиями пальцев, как это делает В. Блажек (см. [Blažek 1999: 336]).

О числительных как целостной системе в праславянском языке говорит сложившийся ограниченный инвентарь лексических единиц. Не менее определенно о системном характере числительных свидетельствует необычная устойчивость словарного состава: все числительные являются непосредственным продолжением индоевропейских лексем. Древнеславянские названия числа также имеют индоевропейский источник: праслав. **čislo*, **čismę*; др.-инд. *ke* ~~ṣ~~ **ṣ** *tas* ‘мысль, умысел, желание’; авест. *čikiwāa* ‘мудрый’; лит. *skaityti* ‘читать, считать’ [Фасмер, IV: 375; см. Корецнý: 82]. Нет оснований предполагать, что в праславянском не было числительных как обособленного класса слов, если они унаследовали систему числовых обозначений, которая сложилась еще в праиндоевропейскую эпоху. Особо следует подчеркнуть, что в индоевропейских языках в целом **нет иного такого класса слов**, включая обозначения семейных отношений, **который бы столь же полно и отчетливо сохранил исходный корнеслов, как имена числительные** Если скепсис по поводу семантической стороны этимологических решений в какой-то мере оправдан, то состава самих лексем он не затрагивает (см. [Winter 1992: 11]). Нельзя отрицать, что числительные относятся к тем группам слов, сравнение которых в индоевропейских языках и стало основанием сравнительно-исторического языкознания [Супрун 1990: 583].

На системный характер числительных в праславянском указывает неизвестный другим классам слов тип отношений — употребление парно связанных лексем, как правило, одного корня, необходимых для ведения двух пересекающихся линий счета — количественного и порядкового. Системный характер числительных как части речи доказывается отчетливой генетической зависимостью праславянских морфосинтаксических инноваций от индоевропейского источника.

После исследования О. Семереньи [Szemerényi 1960: 109–113 и др.] трудно сомневаться в том, что числительные как часть речи сложились в раннем праиндоевропейском, а числительные в балто-славянском представляют систему форм, которая наследует прежнее состояние и преобразуется в соответствии с их морфосинтаксической природой.

Порядковые числительные образовались в индоевропейском в результате тематизации типа $*dek'm^{\text{t}} > *dek'm^{\text{t}}\text{tos}$ (в том числе квазисуффиксальной, которая сформировалась в ходе переразложения в паре $*dek'm^{\text{t}} - dek'm^{\text{t}}\text{tos}$, где первая основа — «preconsonantal sandhi-variant of $*dek'm^{\text{t}}$ ») [Szemerényi 1960: 68]⁴. Ранние балтийские и славянские формы количественных и порядковых числительных типа $*septin - *septmos$ получили разное, но сходное продолжение. У балтов возникли регулярные формы порядковых числительных типа лит. *septintas*, кроме того, произошла гармонизация самой лексической парадигмы числительных: $*aštlo$ '8' $> *aštlon$ под влиянием $*septin$ '7' и $*nevin$ '9', а затем развились формы типа лит. *penkm* '5', *šešm* '6', *septynm* '7', *al'tuonm* '8' и др. под влиянием *keturm* '4'. У славян развитие прошло через цепь изменений, в основе которых также лежало **взаимовлияние количественных и порядковых числительных**, а кроме того, **внутренняя гармонизация лексического ряда числительных**. Как и в балтийском, в славянском инновации были вызваны образовавшимися в постиндоевропейскую эпоху **нерегулярными отношениями** между количественными и порядковыми числительными и необходимостью восстановления исходной корреляции форм — т.е. **внутричастеречными факторами**.

О. Семереньи полагает, что первичным образцом для всех последующих изменений стала пара «семь – седьмой», так как в ней возникла морфонологическая корреляция $*(t)ь \leftrightarrow *(m)ь$. В соответствии с индоевропейской парой $*septm \textcircled{\text{e}} - *septm \textcircled{\text{t}}\text{mos}$ сложилась праславянская параллель $*setь - *setmь (> *sedmь)$, которая была трансформирована в пару $*sedmь - *sedmь$ в результате контаминации количественного и порядкового числительного. Эта пара стала образцом для развития соседней пары $*osta - *ostovь > *ostmь (> *osmь) - *ostmь (> *osmь)$, а затем и пар $*peče - peťь > *peťь - peťь$, $*ьe - *ьestь > *ьestь - *ьestь$, различающихся лишь качеством флективного гласного и типом именного склонения. По образцу пар $*desę - *desęть$, $*peťь - *peťь$ образовалась параллель $*deve(ть) - *deveťь$, а затем $*desęть - desęть$, однако с сохранением исходного консонантного склонения числительным $*desęть$ ($*desę$).

В изложении самого Семереньи непонятно обращение к позднепраславянским, а не раннепраславянским праформам. Он исходит из наложе-

⁴ В транскрипции Семереньи не фиксируется средненебный $*k'$.

ния количественной и порядковой основ, которое не гарантирует изменения морфологического характера числительного **setmь* < **setь*, являвшегося в индоевропейском неизменяемым словом. Между тем обращение к исходным формам **septьn* < **septm* [⌘] и **septma* [↑]*s* < **septm* [⌘]*mos*⁵ проясняет причины морфологической реинтерпретации количественного члена в паре: морфологическая разложимость порядкового числительного **septm-a* [↑]--*s* способствовала морфологическому разложению количественного числительного **septmь—n* < **septьn* + **septm-a* [↑]--*s*. Не следует опираться только на позднеславянскую пару **setь* или **setmь* и **setmь* как образец дальнейших изменений, в то время как взаимодействие количественных и порядковых форм затрагивало и другие пары словоформ. Судя по древнеславянским формам *се(д)мъ* (< **se(d)mь* < **septьn* < **septm* [⌘]) ~ *се(д)мъ* (< **se(d)mь* < **septm* [⌘]*as* < **septm* [⌘]*mos*) — *осмъ* (< **osmь* < **lastьn* < **lasta*) ~ *осмъ* (< **osmь* < **lastm* [⌘]*as* < **ok't(o)mos*), таких пар было по крайней мере две. Подробный разбор этой нумеративной пары, которая стала образцом для других числительных, приводится ниже.

О. Семереньи отказался принять традиционную точку зрения, считая, что числительные на **(t)ь* генетически вовсе не связаны с индоевропейскими производными на **-ti* (*nomina collectiva-abstracta*). Он обратил внимание на тот трудно объяснимый факт, что числительные **sedmь*, **osmь*, **desę* находятся вне рамок предполагавшейся *ti*-суффиксации. Нужно дополнить этот ряд числительным **deveę*.

О. Семереньи дал сводку всех индоевропейских образований с предполагаемыми исходными суффиксами *-t-* или *-ti-*, которые традиционно относят к *nomina abstracta-collectiva*, и последовательно отклонил связь каждого из них с общеиндоевропейской стадией. Он отказался рассматривать албанские примеры числовых обозначений для '6'–'10' (типа *gjashtë* 'шестерка'), которые, как обычно предполагается, представляют замены исконных числительных на субстантивы, восходящие к формам на *-ti*, так как албанский язык сохранил лишь фрагменты исходной системы числительных, а историческая фонология и морфология албанского языка находятся «в безнадежном состоянии» [Szemerényi 1960: 105]. Тем не менее есть основания полагать, что в албанском языке старые количественные числительные были заменены вовсе не именами, восходящими к дериватам на *-ti*, а порядковыми числительными на *-të* (см. [Demiraj 1986: 193–194]), т.е. трансформация нумеративных форм в албанском типологически однородна с балто-славянской.

⁵ А. Е. Аникин [НРЭ: 206], вслед за целым рядом авторов, исходит из синкопы в балто-славянском: **septima-* > **septma-*.

Анализ древнеисландских примеров (типа *sýtt* и *nnund* — имен, соотносительных с числительными ‘6’ и ‘9’) показал, как полагает Семереньи, что они генетически разнородны, семантически специализированы и не представляют единой группы, поэтому не могут быть основанием для индоевропейской реконструкции [Szemerényi 1960: 106]. Правда, можно возразить, что семантическая специализация не обязательно свидетельствует об отсутствии общего архаичного источника словоформ. По-видимому, даже существование одного или двух образований в этом случае весьма показательно, потому что само количество означаемых не превышало бы пяти-шести единиц с ‘5’ до ‘9’ или ‘10’.

Исследователь отклоняет также другое распространенное в этимологических работах мнение, ставя под сомнение обычно признаваемую связь суффиксальных образований *abstracta-collectiva* на *-ti* и индо-иранских числительных ‘60’–‘90’ (типа вед. и авест. [sa]s[-tn] и *хьвалъ-ti* ‘60’), усматривая здесь морфологически обобщенный пример гаплогонии (см. реконструкцию: вед. ‘80’: и.-е. $*ok'tlok'ont-$ > вед. $*aśt[āśant-$ > $*aśt[ī-śat(i)$ > $*aś[ī-(śa)ti$ > $*aś[īti]$) [Szemerényi 1960: 61–62]. Ср. [SP, 3: 92; Blažek 1999: 234] и др.

Согласно О. Семереньи, традиционное представление о связи славянских форм с индоевропейскими собирательными или отвлеченными именами на $*-t$ и $*-ti$ основывается лишь на единичных примерах (вед. *daśāt-* и *pañkti-* — с труднообъяснимым расхождением формативов для “10” и “5”), которые не могут рассматриваться в качестве деривационных образцов в индоевропейском. Лексема *daśāti* (*i*-основы) в индийском появляется лишь в классический период, а в ведийском представлен дериват *daśātya*, не относящийся к *i*-основам. Как числовое обозначение ведийское *pañkti-* (*i*-основы) не имеет иных соответствий в родственных языках, кроме славянского $*pęť$. Семереньи считает, что *pañkti-* содержит вторичное $*-ti$ и восходит к и.-е. $*pn\text{ }^{\text{v}}\text{stī-}$ ‘кулак, (группа из) пяти’, которое получило продолжение в славянском $*pęť$ (а вовсе не $*pęť$), нем. *Faust*, англ. *fist* < $*funhsti-$, лит. *kuimštis* ‘кулак’ < $*punkstis$.

В индоевропейских языках складываются различные деривационные модели *nomina abstracta-collectiva*: скр. *trētā* ‘триада’, *pañcatā* ‘пятикратное количество’; греч. δίαδα ‘диада’, τριάδα , -τριάδα ‘триада’; лит. *trėjetas* ‘триада’, *penketas* ‘пентада’ и под. Подобные примеры могут свидетельствовать о том, что *nomina abstracta-collectiva* как дериваты числительных получили распространение лишь в постиндоевропейский период, отражая усложнение количественной семантики и углубление ее отвлеченного характера.

Результаты тщательного исследования О. Семереньи целиком приняты Б. Комри [Comrie 1992] в кратком описании числительных у балтов и славян,

которое включено в новое монографическое исследование индоевропейских числительных.

В. Смочинский даже не обсуждает традиционные славяно-индоевропейские этимологические параллели типа **penk^w-ti-* < **pęťь*, **(k)s(w)ek's-ti-* < **šestь* [Smoczyński 1989: 82–83; 1999: 531]. Однако он полагает, оставив без внимания гипотезу Семереньи, что источником для трансформации древнеславянских числительных стала пара **desęťь* – **desęťь* (откуда далее **pęťь* – **pęťь*, **šestь* – **šestь* и т.д.). Это несмотря на то, что исконной признается форма **desę*, а форма **desęťь* возводится к ВП. За Смочинским следует А. Е. Аникин [НРЭ: 184, 207]. Данное предположение неприемлемо, так как древнеславянское **desę*, в отличие от других числительных, являлось именем мужского рода консонантного склонения и сохраняло эти свои свойства в древнеславянских письменных источниках. Развитие форм И=ВП в консонантном склонении отмечается уже в письменный период. Образованию ИП **desęťь* сопутствовал переход числительного в тип на **i*↑ женского рода по образцу других числительных (на это указывает ТП *ДЕСАТИЖ* вместо *ДЕСАТЪМЪ* в первых памятниках письменности).

Таким образом, морфологическая модификация числительных состояла в **восстановлении регулярных морфологических и мотивационных отношений** количественных и порядковых числительных. Поэтому переход **pęse* > **pęťь*, **ľe* > **ľestь* и под. не имел никаких семантических последствий: количественные числительные при этой замене были и оставались количественными числительными. Если даже допустить существование корреляции, которая отмечалась в старых работах (**penk^wtis* – **penk^wtos*), то нельзя не заметить другого — постоянно действующей тенденции к удержанию и распространению морфологической корреляции количественных и порядковых числительных. Р. Айтцетмюллер [Aitzetmüller 1978: 136], исходя именно из подобной параллели, проницательно указал на важную роль порядковых числительных, отметив, что праславянские числительные-collectiva на **-tis*, выступая в ассоциации с порядковыми числительными на **-tos*, могли употребляться как количественные числительные.

Числительное **dek'm* *Et* в праиндоевропейском характеризовалось амбивалентностью: оно выступало то как неизменяемый адъектив, то как флексивное имя и в этом случае управляло другим именем в генитиве, поэтому в некоторых индоевропейских языках на месте одного исходного слова обнаруживается неизменяемое числительное и склоняемое собирательное имя [Szemerényi 1960: 112]. В праславянском новые числительные (от '5' до '9') могли получить только склонение на **-ь*, а употребление их как имен проявилось в синтаксисе — в генитивном управлении, что было поддержано анало-

гичным использованием числительного '10', существовавшим в индоевропейскую эпоху. «The inflection of the cardinals as nouns entailed their syntactic use as nouns, the government of the dependent noun in the genitive, supported by the existing nominal use in "10"» [Szemerényi 1960: 113]. Однако, поскольку у славян именное генитивное управление заменялось дативным управлением или адъективным согласованием, его утверждение в данном случае допустимо связывать с функциональной специализацией — развитием родительного принумеративного.

Описанное выше взаимовлияние однокоренных форм в столь значительных масштабах другим классам слов было неизвестно. Оно обусловлено внутривидовыми факторами — той необычной теснотой синтаксического и текстового ряда, в котором реализовывались счетная или количественная функции числительных. В самом деле, лексическая парадигма числительных представляет собой своего рода текст со строгим порядком следования составляющих, так что парадигматические и синтагматические отношения здесь совпадают: **edinъ*, **dъva*, **trъje*, **ĉetyre*, **petъ*, **ľestъ*, **sedmъ*, 'n+1'; **prъvъ*, **vъtorъ*, **tretъjъ*, **ĉetvъrtъ*, **petъ*, **ľestъ*, **sedmъ*, 'n+1'; **ĉetyre* – **petъ*, **petъ* – **ľestъ*, **ľestъ* – **sedmъ* и т. д.

Этимологические разыскания в области индоевропейских числительных далеки от завершения. Продолжают обсуждаться альтернативные этимологические решения (см. [Adrados, Bernabй, Mendoza 1998: 127 и сл.; Justus 1999: 131 и сл.; Lujan Martinez 1999: 199 и сл.]). Итоги этимологических исследований в области числительных в разных языковых семьях (в том числе индоевропейской) недавно рассматривались В.Блажеком [Blažek 1999: 141–324; 2001: 73 и сл.].

В. Блажек не посчитал возможным отказаться от традиционных этимологий, совместив их в отдельных случаях с новыми. Это вызывает ощущение компилятивности и «атомизма», которые, однако, в данной ситуации, по-видимому, оправданны. В его работе генетическое единство древнеславянских числительных от '5' до '10', как и генетическая близость славянских и балтийских числительных, в отличие от концепции Семереньи, не содержат «общего знаменателя». Автор приводит три типа этимологических решений: а) наследование не собственно индоевропейских числительных, а деривационно связанных с ними *nomina abstracta*; б) «ремоделирование» наследованных количественных числительных на основе исконных порядковых числительных; в) параллельное развитие исконных числительных и имеющих индоевропейский источник *nomina abstracta* с числовым значением, замена первых на вторые.

Числительные '7' и '8' Блажек характеризует как словоформы, возникшие в результате «ремоделирования» на основе порядковых числительных.

Вслед за Семереньи, кроме того, признается «давление» со стороны предшествующего порядкового числительного, но оно справедливо отодвигается в индоевропейский период: **ok'towo-* > **ok't(o)mo-* > прасл. **osmь* под влиянием **septm ѿmo-* > прасл. **sedmь*. Как и некоторые другие исследователи-этимологи, В. Блажек склоняется к предпочтению семитского генезиса числительного '7': семитское **sablatum* '7', в свою очередь, образовано от названия указательного пальца.

Возможность подобного ремоделирования указана также для числительного '6', наряду с другим источником — предполагаемым *nomen abstractum* **(k)s(w)ek's-ti-*. Однако очевидно, что в последнем случае надежность сравнительно-исторических параллелей приходится считать довольно относительной. Вместе с тем Блажек [Blažek 1999: 243] предлагает новую этимологию индоевропейского числительного: **kswek's* < **g^h(e)s-wek's* «рука-переросший». У Блажека «hand-overgrowing». Подобная этимология имеет типологические параллели и может свидетельствовать об остатках квинарной системы счисления. Она позволяет объяснить наличие инициального *k*, который важен для понимания славянской формы **kswek's-to-* > **šestь* с регулярным звуковым переходом **s* > **x* (**ch*) > **š'* (по правилу *rukí* и первой палатализации). Не кажется недопустимым другое объяснение условий этого звукового перехода в индо-иранском и славянском: контактное взаимодействие соседних числительных **penk^w* и **swek's* в быстрой речи (см. [Winter 1992: 16]).

Балто-славянское числительное '9' В. Блажек возводит непосредственно к индоевропейскому **newm ѿ*, обнаруживая славянское **deve* в сложении **devešilь*, в сомнительном **devešyto*, а также в этимологически неясном *девясносто*. Однако он делает произвольное и излишнее допущение, полагая, что исконное **deve* было у славян замещено отвлеченным именем **deveť* < **newn ѿ-ti-*, при том что в балтийском, как и в других сходных случаях, нет следов подобной формы (см. [Blažek 1999: 286]). Как было показано выше, числительное **deveť* сложилось под влиянием соседних числительных и порядкового коррелята. Автором признается предпочтительность этимологического решения, в котором усматривается подчинение звукообраза числительного **deve* < **neve* звукообразу соседнего числительного **dese*, хотя он приводит альтернативное объяснение перехода *ne-* > *de-*, в котором предлагается видеть в данном случае диссимилятивное изменение.

Сходным образом им описывается происхождение балто-славянского '10'. Он считает, что исконное числительное **dek'm ѿ* > **dese* у славян было замещено отвлеченным именем **dek'n ѿ-ti-*. Однако известно, что славянское числительное устойчиво связано с консонантным склонением, а склонение по

типу **i*-основ здесь развилось лишь позднее под влиянием числительных ПАТЬ – ПАТЯ ... ОСМА – ОСМЯ. В балтийском также представлен консонантный тип, а формы на *-tis* являются независимой инновацией (см. [SP, 3: 72]). К тому же в балтийском обнаруживается *m*, а не ожидавшийся *n* (ср. лит. *desimtms*, *dėlyimt*, лтш. *desmit*).

Блажек отстаивает этимологию числительного ‘10’, которая существенно отличается от наиболее известной и обычно принимаемой. Традиционно считается, что **dek'm* ^ṡti ‘10’ — это **de* ‘2’ и **k'omt-* ‘рука’ (см. [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 850]). Уязвимые стороны этой этимологии известны: **de* не содержит *-w/-u-*, которые присутствуют во всех других случаях, а **k'omt* не имеет здесь формы дуалиса (ср. дв. ч. **ok'tlo(u)* ‘8’). Автор склоняется к тому, чтобы считать исходным корень **dek'-* ‘достичь’. Тогда **dek'm* ^ṡti может трактоваться как адвербиальное образование — застывшая форма аккумулятива со значением ‘в конце’, а **dek'n* ^ṡti — как *nt*-основа, скорее всего причастная, со значением ‘то, что завершено, достигнуто’ [Blažek 1999: 295–299].

Таким образом, работа Блажека лишний раз подтверждает, что все древнеславянские числительные наследуют индоевропейский корнеслов. Она ни в коей мере не может поколебать сделанного прежде вывода о причинах и направленности морфосинтаксической трансформации числительных в праславянском языке, которая обусловлена внутривидовыми факторами — восстановлением и развитием регулярных морфологических и мотивационных отношений количественных и порядковых числительных.

В славистической литературе приводится также иная точка зрения, согласно которой исходят из того, что **petь*, **šestь* и под. возникли как дериваты **petь*, **šestь* и под. Этот взгляд вслед за А. Мейе высказывался в свое время Т. Б. Лукиновой [Лукинова 1967: 64–65] и А. Е. Супруном [1969: 11], который распространил его на все числительные и предлагал совершенно произвольное семантическое толкование. «Между тем, семантически слова типа *пять* не оставались неизменными. Если первоначально они, по-видимому, обозначали опредмеченное свойство “быть пятым”, то постепенно связь между словами *пять* и *пятым* (пятой) начинала пониматься не в соответствии с этимологией, а наоборот: *пять* (пятой) стало пониматься как производное от *пять*; слово, обозначающее порядковый номер, стало пониматься не как непосредственный результат счета, а как установление связи между тем предметом, к которому оно относится, и числом 5: *пятый предмет* = *предмет номер пять*». Недавно это предположение как единственно возможное было вновь повторено в монографии Т. Б. Лукиновой [Лукинова 2000: 91 и др.]. В этом

случае появление новых числительных можно было бы сравнить со следующими парами соотносительных однокоренных слов. См.:

зѣлѣ — зѣлѣ: отъ вѣсѣхъ зѣли нашихъ очисти нзи Киев 4а 5–6 [ССС: 241]; сѣтѣ — сѣтѣ: отъ пѣти хлѣбѣ пѣтѣ тѣсѣштѣ до сѣти накрѣми Супр 344, 19 [ССС: 676]; лютѣ — лютѣ: ѿ великыя люти прѣмѣнѣна на тишинѣ МинП XI (май), 12; вѣстрѣ — вѣстрѣ: и изверже на вода на соушю съ многою *быстрью* ГА XIV₁, 237а; молодѣ — молодѣ: Черныя Клобуки и *молодь* свою пустѣста на передѣ до Переяславлѣ ЛИ ок. 1425, 138 (под 1149 г.)⁶.

В древнеславянской письменности таких лексических форм немного, гораздо шире представлены близкие им по значению субстантивы на *-ина*, *-ость*, *-ота*. В старославянской письменности отмечается соответственно около 30, 50 и 30 производных, а дериватов на *-ь* А. Е. Супрун не находит [Супрун 1991: 45]. См. данные обратного словаря Sadnik, Aitzetmüller. Поэтому, если признавать связь количественных числительных с подобными образованиями на *-ь*, то нужно считать их примерами специализированной модели, к тому же очень ранней. Но это не устраняет всех вопросов, поскольку такие важные в системе числительных лексемы, как **desę* и **deveę*, находятся вне ее рамок. Другое препятствие состоит в том, что деривационные пары вроде **sedmь* ← **sedmь* и лютѣ ← лютѣ невозможно отождествить семантически. Числительные типа **sedmь* не могут формировать отвлеченного значения указанного выше типа, потому что не выражают признака в собственном смысле этого слова, а обозначают только место или точку в счетном ряду. Эти особенности их семантики отчетливо выступают в следующих деривационных парах: **četvьrtь* → **četvьrtь* ‘четвертая часть’, **tretьь* → **tretь* ‘третья часть’. См.:

прѣведено на *четвѣрѣти* Изб 1073, 232; и прѣдѣложѣтѣся имѣ хлѣба по ѣдиной *четвѣрѣти* УСт к. XII, 207 об.; а вѣзѣми (в)ѣ *трѣть* Смол № 12 (сер. XII). Субстантивные образования от порядковых числительных на *-ина* обладают теми же особенностями. Так, *осмина* — это ‘восьмая часть (кади)’, *десѣтина* — ‘десятая часть чего-либо’: пышьницѣ :в: *осмине* ГрБ № 893 (2 четв.–сер. XII); *десѣтинь* даѣнѣиѣ · и начатѣци · и частыѣ мѣтвы КЕ XII, 252. Ср. лексикализованные образования мн. ч., называющие третий и девятый день поминания усопших: Творите оусопшимѣ памѣть *трѣтины* · въ ѱалмѣхъ и въ мѣтвахъ · вѣскре(с)шаго радѣ трѣднѣвно · і *дѣвѣтины* · на в(ѣ)споминаниѣ сущихъ зде · і оусопшихъ КР 1284, 52в. Т. Б. Лукинова [Лукинова 2000: 272 и сл.] относит слова **tretь*, **četvьrtь*, а также дериваты на

⁶ В СДРЯ [V: 19] ошибочно указано ЛИ ок. 1425, 139 (1148).

*-ina к дробным числительным, что явно неправомерно, так как эти слова имеют субстантивную семантику и не образуют счетного ряда.

Указанные субстантивные производные доказывают, что полученные таким образом дериваты **pęťь* – **osmь* должны были иметь значение ‘пятая часть – восьмая часть’, а вовсе не ‘5–8’. В итоге следует заключить, что числительные **pęťь* – **osmь* не могут считаться отвлеченными образованиями с нулевым суффиксом от **pęťь* – **osmь*.

1.3. К ИТОГАМ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СЛАВЯНСКИХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Итоги этимологических разысканий в области славянских числительных кратко могут быть представлены следующим образом (см. [Szemerényi 1960; Smoczyński 1989; Comrie 1992; Blažek 1999; Фасмер, I–IV; ЭССЯ; SP; НРЭ] и др.).

1.3.1. ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ ‘1’

И.-е. праформы	* <i>ou-no-</i>
Ожидаемые слав. праформы	* <i>a↑ina↑ - > *ěňь</i>
Реальные слав. праформы	* <i>ed-eina↑ - // *ed-i↑na↑ - > *edinь // *edьn-</i>
И.-е. порядковые корреляты	* <i>p r̥-mo-, *p r̥-wo-</i>
Слав. порядковые корреляты	* <i>pъrva↑s > *pъrvь(jь)</i>

В индоевропейском корень **ou-* получил разные суффиксальные расширения: **-no-*, **-k^wo-*, **-wo-*. Его происхождение обычно связывают с анафорическим местоимением, хотя в формах последнего не представлен *o*-вокализм. У славян образование **ouno-* отражено в дериватах-кальках: *инокъ* [иннокъ], *инорогъ* [инорогъ], *иночадъ* [иночадъ] [ССС: 261–262] и под. Само числительное ‘1’ было видоизменено в результате сложения с дейктико-эмфатической частицей: **ed-ouno-* > **edinь*. Однако здесь выступает тембровая ступень чередования гласных: **inь* < **eiina↑-*. Ее образование, вероятно, и вызвано гармонизацией гласных в сложении: **ed-aina-* > **ed-eina-*, хотя в этом случае предполагают воздействие еще одной дейктической частицы: **ed-e-ouno-* ‘только этот один’.

Другой индоевропейский корень — **sem-* ‘1’ — отложился в славянском определительном местоимении **samь* (см. [Vaillant 1958: 471 и сл.]). Это местоимение сохраняет в некоторых славянских языках связанное количественное значение ‘один (без других)’.

На фоне **sem-*, связанным со значением ‘совместность, единство’, **ou-* может быть соотнесено с выражением значения ‘отдельность, отъединенность’.

Порядковое числительное восходит к корню со значением ‘передний’. У славян представлено органическое развитие индоевропейского порядкового числительного.

1.3.2. ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ ‘2’

И.-е. праформы	<i>*d(u)wlo(u)</i> м., <i>*d(u)woy</i> сред., <i>*d(u)way</i> ж.
Ожидаемые слав. праформы	<i>*dъva</i> м., <i>*dъvě</i> сред., <i>*dъvě</i> ж.
Реальные слав. праформы	<i>*dъva</i> м., <i>*dъvě</i> сред., <i>*dъvě</i> ж.
И.-е. порядковые корреляты	др.-инд. <i>bntaras</i> ‘другой’ (< <i>*n^hteros?</i>), <i>vitaraṅh</i> ‘следующий’
Слав. порядковые корреляты	<i>*vntlarlas?</i> > <i>*vъtorъ(jъ)</i> , <i>*vṅlarlas?</i> > <i>*vъtorъ(jъ)</i>

Если числительное **d(u)wo* хорошо отражено во всех группах индоевропейской семьи, то этого нельзя сказать о порядковом числительном. Индоевропейская праформа здесь не может быть названа. Славянское порядковое числительное **vъtorъ(jъ)* не получило бесспорного объяснения. Обычно указывают на две параллели, которые приведены выше в таблице. Первая форма отражена и в балтийском (лит. *actras*, *actaras*, лтш. *цотрс*, др.-прусск. *antars*), поэтому было бы естественно прежде всего с ней связывать славянское числительное, однако это вызывает серьезные фонетические затруднения. А.Мейе [1951: 52], однако, считал допустимым видеть здесь органическое развитие слогового сонанта, как и в случае с числительным ‘100’ (см. 1.3.8).

«Только появление понятия 2 сделало возможным возникновение счета и арифметики. В языковом мышлении *два* является числом высокого напряжения, поддерживаемого постоянно напоминающей о себе двойственностью, парностью и противопоставленностью как в физическом, так и в общественном и в индивидуально-психическом мире. Это положило начало особому двойственному числу, в отличие от единственного и множественного числа» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 315].

Отвлечение счетно-количественного значения в индоевропейском способствует образованию синтаксически противопоставленных форм, которые Б. Дельбрюк обозначил терминами «Dual» и «Zweizahl». Последний термин здесь связывается со случаями семантически избыточного употребления в ведийском числительного *dvau* в сочетаниях с субстантивным дуалисом. Появление подобных квантитативных конструкций всегда обусловлено особыми тексто-речевыми обстоятельствами — включенностью в контекстуальный счетно-количественный ряд, образуемый соположением с другими числительными. «Durch *dvau* mit dem Dual wird die Zweizahl aus Zahlenreihe hervorgehoben, z. B.: $\text{ṛa}^{\text{ṛ}} \text{dv}^{\text{ṛ}} \text{a}^{\text{ṛ}} \text{bhy}^{\text{ṛ}} \text{am} \text{indra} \text{yahy}^{\text{ṛ}} \text{ca}^{\text{ṛ}} \text{tur}^{\text{ṛ}} \text{bhi}^{\text{ṛ}} \text{h}$ komm mit zwei Falben, o Indra, mit vieren u. s. w. RV 2, 18, 4 ($\text{ṛa}^{\text{ṛ}} \text{haribhy}^{\text{ṛ}} \text{am} \text{yahi}$

würde heissen: mit den beiden Falben)» [Delbrück 1968: 99–100]. Всегда семантически мотивировано также употребление слова *ubhau*. Это означает, что «первочисло» 2, давшее начало дуалису, было насыщено пространственно-предметными смысловыми связями, которые, однако, были не настолько однозначны и прочны, чтобы не ослабевать и не утрачиваться в составе количественной парадигмы.

Двойственное число у славян является индоевропейским архаизмом. Оно не только продолжает последовательно употребляться уже после распада праславянского языка, но и обретает собственную динамику развития [Жолобов, Крысько 2001: 11 и сл.]. Так, новой ситуацией в праславянском является распространение счетно-количественных конструкций типа **dъva otroka*, которые, как было указано выше, в индоевропейском принадлежали определенного рода контекстам. В праславянском довольно четко противопоставляются и выступают как самостоятельные величины свободное и связанное двойственное число (типа **boka*, **nodzě* vs. **dъva brata*, **dъvě ženě*). Они образуют два разные типа грамматической номинации — количественно-предметную и счетно-количественную [Жолобов 1997: 8]. Грамматическое расщепление в славянском дуалисе с несомненностью свидетельствует о двойственной природе числа: свободное двойственное число указывает на предметный генезис количественных представлений, а связанное двойственное число обнаруживает в числе матричную схему, лишенную зависимости от конкретно-предметных представлений. Парные части тела — «скрижали», на которых было записано простейшее количественное представление, самым очевидным образом сопряженное с пространственным представлением. Поэтому психологическая реальность числа первоначально выступает как наглядный пространственно-предметный образ. Именно обозначения парных частей тела человека стоят у истоков количественного ряда. Это предопределило структуру артефактов. Предметно-вещные творения человека, которыми он окружил себя в ходе своего становления, почти без изъятия изоморфны принципу парной симметрии как некоему абсолюту. Они человекообразны, запечатлевая на себе образ и подобие человека — парносимметричность антропометрического пространства. Более того, содержательная фундаментальность парной симметрии сказалась на формировании религиозных воззрений. Так, есть основания полагать, что архаичный близнецный культ основывается на символическом замещении парных частей тела человека и животных (см. [Lehmann 1988: 378]). Ср. теолого-антропологический «трактат», представленный Атхарваведой X, 2, где парные обозначения играют существенную роль (см. [Топоров 1993: 25 и сл.]).

Парные обозначения стали источником образования и развития двойственного числа. Кроме прочего, на это недвусмысленно указывают данные ти-

пологии, которые свидетельствуют: если употребление дв. ч. имен в каком-либо языке ограничено, то минимумом таких форм могут быть только парные существительные. («If in any language some nouns are eligible for dual marking while others are not (or less readily), the criterion is whether or not they denote natural pairs» [Plank 1989: 309]).

В. фон Гумбольдт подчеркивал именно качественный аспект в семантике дв. ч., тогда как до него здесь констатировалась количественная семантика — значение ограниченного множества (см. [Humboldt 1963: 130–133]). Однако истина находится посередине: парность, явившаяся источником дуалиса, — это количество, которое выступает как род качества. Это окачественное количество, потому что парные предметы, пребывая в количестве двух, являются качественным повторением друг друга и образуют единство совместным воплощением симметричной пространственной конфигурации. Интегральный количественный компонент в семантике парных обозначений способствовал трансформации парного числа в двойственное. Значение парности, однако, не поглощалось собственно количественным представлением. Об этом свидетельствуют разные факты. Так, например, согласно В. Краузе, в тохарском А языке паралис («Paral») и дуалис («Dual») были морфологически разведены (см. [Krause 1955: 15]).

В отличие от других числительных, **d̥va* имеет синоним — местоимение **oba*. Эта корреляция, вызвавшаяся, в частности, в образовании композита двандва **obad̥va*, восходит к индоевропейской эпохе (см. [Vaillant 1958: 622–623]). В древнеславянском отражена также синонимия **v̋torъjь* – **drugъjь*.

Местоимение **bh̥o* — посредствующее звено между именем «первочисла» и его предметными прообразами, структура которых нашла отражение в семантике названного местоимения. Семантическое расхождение местоимения и числительного *dualia tantum* свидетельствует о собственном счетно-количественном значении **d(u)wo*⁷. В отличие от числительного, употребление местоимения в индоевропейском указывало на то, что каждый из обоих членов, соединение которых обозначалось дуалисом, в равной мере обладают тем или иным названным свойством⁷. Поэтому, вопреки У.Ф.Леману [Lehmann 1991: 135], **bh̥o-* не составляло «конкурирующего термина» для **dew*⁸.

Дейктическая, прономинальная природа слова **oba* ‘тот и другой’, ‘эти-два’ в древнеславянском проявляется отчетливо и без отступлений (см. [Жолотов 2006б: 99–100]).

⁷ См.: «Bei dem natürlichen und anaphorischen Dual erscheint *ubhau* beide, um zu bezeichnen, dass jedes der beiden Glieder der im Dual ausgedrückten Einheit in gleicher Weise von der Aussage betroffen wird, z.B.: ...*ubhe dyla* *vla* beide, Himmel und Erde gleichmässige RV 9, 70, 2» [Delbrück 1968: 99].

⁸ Общепринятая реконструкция — **duwo*.

1.3.3. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ ‘3’ И ‘4’

	‘3’	‘4’
И.-е. праформы	<i>*trej-es</i>	<i>*k^wetur-</i>
Ожидаемые слав. праформы	<i>*treļies > *trъje</i>	<i>*četyre</i>
Реальные слав. праформы	<i>*treļies > *trъje</i>	<i>*četyre</i>
И.-е. порядковые корреляты	<i>*tri-tiyo-</i>	<i>*k^wetwr^h-to-</i>
Слав. порядковые корреляты	<i>*tretъjlas > *tretъjъ(jъ)</i>	<i>*četvѣrtlas > *četvѣrtъ(jъ)</i>

Числительное ‘3’ с исходным корнем хорошо отражено во всех ветвях индоевропейской семьи. У славян это числительное являлось словом мн. ч. *ǐ*-основ, различающим род — предположительно, как и в индоевропейском (см. [Blaňek 1999: 193]). В косвеннопадежных формах выступает нулевая ступень чередования (и.-е. **tri-*): ДП **trъ-mъ*, МП **trъ-xъ*, ТП **trъ-mi*. В РП представлена полная ступень **trъjъ* (< **treļi-ǎn*). Расхождение восточнобалтийско-славянской и индоевропейской огласовок порядкового числительного относится к качеству корневого гласного (**tre-* вместо **tri-*). Оно может быть объяснено влиянием количественного числительного на порядковое в индоевропейском источнике восточнобалтийско-славянского типа.

Числительное ‘4’ также хорошо представлено, кроме анатолийской группы, где, однако есть следы индоевропейского числительного. В балтийском остались следы его старой принадлежности к основам на *-r-*, в то время как у славян консонантное склонение выражено отчетливо. Славянский гласный **y* отражает продление нулевой ступени чередования (**k^wetur-* vs. **k^wetwer-*). Порядковое числительное является регулярным развитием образования с суффиксом **-to-*.

1.3.4. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ ‘5’–‘8’

	‘5’	‘6’	‘7’	‘8’
И.-е. праформы	<i>*penk^we</i>	<i>*(k)s(w)ek’s</i>	<i>*septm^h</i>	<i>*ok’flo(u)</i>
Ожидаемые слав. праформы	<i>*penče > *peče</i>	<i>*šes > *še</i>	<i>*septъn > *setъ, *setę</i>	<i>*lāsta</i>
Реальные слав. праформы	? > <i>*peťъ</i>	? > <i>*šestъ</i>	? > <i>*se(d)mъ</i>	? > <i>*osmъ</i>
И.-е. порядк. Корреляты	<i>*pn^hek^w-to-, *penk^w-to-</i>	<i>*(k)s(w)ek’s-to-</i>	<i>*septm^h-mo-</i>	<i>*ok’flo-wo-, *ok’t-mo-</i>
Слав. порядк. Корреляты	<i>*pъnktlas, *penktlas > *peťъ(jъ)</i>	<i>*šestlas > *šestъ(jъ)</i>	<i>*septmlas > *se(d)mъ(jъ)</i>	<i>*lāstmlas > *osmъ(jъ)</i>

Индоевропейские числительные ‘5–8’ хорошо засвидетельствованы в различных индоевропейских языках. Однако происхождение славянских числи-

тельных ‘5–8’ составляет отдельную проблему, поскольку они являются определенного рода трансформацией исходных лексем. Поэтому вопрос об их образовании был специально рассмотрен в 1.2, а в данном параграфе приводятся необходимые расширения и уточнения. Резюмируя сказанное, следует отметить, что славянские числительные ‘5–8’ продолжают индоевропейские формы, но с преобразованием их морфологической природы на основе порядковых соответствий. В результате неизменяемые слова получили склонение на *-ĭ жен. рода. В отличие от этого порядковые числительные сохранили свой морфологический характер и в целом последовательно отражают индоевропейские праформы. Единообразное изменение числительных указывает на единство их частеречной природы. Взаимовлияние соседних числительных в счетном ряду отражено в индоевропейском, а у славян представлено еще более отчетливо. Источником преобразований стали две пары количественных и порядковых числительных, обозначающих ‘7’ и ‘8’.

При рассмотрении числительного ‘7’ нельзя забывать о параллелизме **sedmь* и **osmь*. Имея его в виду, Ю. Шевелев [Shevelov 1964: 194–195] объяснял удержание *-dm-* в **sedmь* параллелью к *-sm-* в **osmь*, сохранение которого является закономерным. К этому соображению нужно добавить еще одно важное обстоятельство: и в том, и в другом случае происходило сокращение трехконсонантных сочетаний (**septmь* > **sebdmь* > **sedmь* и **ostmь* > **osmь*).

В этимологических работах отмечается, что озвончение согласных перед носовым сонантом **septm̥ ōmo* > **sebdmo-* (или, может быть, **septmo-* > **sebdmo-*) отражает независимое славянское изменение, хотя подобное же явление представлено и в греческом ἑπταμόη ‘седьмой’ (см. [Szemerényi 1960: 6–7; Comrie 1992: 756; Blažek 1999: 250; НРЭ: 206]). Изменение в славянском, с одной стороны, подчеркивает уникальность звукового состава числительного ‘7’, а с другой стороны, следование закономерностям славянской фонетики с ее звуковыми внутрислоговыми переходами. Озвончение здесь обусловлено взаимодействием губных *p* и *m* в слоге: *--pt-mь* > *--bt-mь* > *--bdmь* > *--dmь*.

Б. Комри и В. Блажек вслед за другими исследователями исходят для балто-славянского из индоевропейской формы порядкового числительного **septmo-*, существование которого допускается рядом с **septm̥ ōmo-*. О. Семереньи [Szemerényi 1960: 110] считал возможной лишь реконструкцию последней формы, под влиянием которой рано могла появиться форма **ok'tm̥ ōmos*, однако для балто-славянского он исходил из трансформаций **septmos* и **oštmos*, опираясь на др.-прусск. *septmas*, *asmas* и др.-лит. *sēkmas*, *gľmas*. В балто-славянском развитии допускают синкопу: **septm̥ ōmo-* > **septima-* > **septma-* ([НРЭ: 206] вслед за [Smoczyński 1989: 83 и сл.]).

До сих пор в этимологических разысканиях, посвященных числительным, не были использованы ресурсы морфологической интерпретации. Кроме того, остались не востребованными возможности раннепраславянской реконструкции, хотя все славянские числительные наследуют корни, которые уже в индоевропейском составляют наиболее архаичный слой корнеслова.

Историю славянского **se(d)mъ* необходимо рассматривать не изолированно, а в связи с числительным **osmъ*, славянская форма которого находит объяснение только в уподоблении соседнему числительному. Изменение **septmos > *septm̥as > *se(d)mъ* происходило параллельно с другим — **ok't(o)mos > *l̥astm̥as > *osmъ*, где **ok't(o)mos* из **ok'towos* под влиянием **septmos*. Ср. авест. *ašt̥ma* под влиянием соседнего индо-иран. **saptama-* вместо ожидавшегося **ácta-va-* (см. [Blažek 1999: 163]). Развитие нового порядкового числительного в индоевропейском с необходимостью получало продолжение в славянском количественном числительном **osmъ < *l̥astm̥n < *ok'to-va(u)* под влиянием **a↑stma↑s < *ok't(o)mos* и **sept̥n < *septm̥*. Ср. ауслатную гармонизацию соседних числительных у балтов: лит. *aštuonm* ‘8’ и *septynm* ‘7’. Двойное пропорциональное отношение **osmъ < *a↑stm̥n* и **osmъ < *a↑stma↑s*, **se(d)mъ < *sept̥n* и **se(d)mъ < *septm̥as*, как можно полагать, и стало новым основанием морфологической корреляции числительных количественного и порядкового счета в праславянском языке [Жолобов 2004: 5]. Взаимосвязь количественного и порядкового счета, которая существовала в индоевропейском, у славян, таким образом, была восстановлена. **В индоевропейском количественный член пары был неизменяемым словом **septm̥*, **ok'to-va(u)* и под., а порядковый — склоняемым именем **septmos*, **ok't(o)mos* и под. У славян корреляция количественных и порядковых форм явилась причиной морфологического переразложения количественного члена пары.** Поскольку порядковый член был морфологически разложим: **se(d)m-ъ < *sebdm-a↑--s < *septm-a↑--s*, эти же свойства приобрел количественный член: **se(d)m-ъ < *sebdm-ъ--n*, **septm-ъ--n < *sept̥n + *sebdm-a↑--s*, **septm-a↑--s*. В результате между количественным и порядковым членами пары уже в раннепраславянском установилось морфологическое соответствие: имя основ на **-ъ* ~ имя основ на **-o < *-ǫ* или **-a*.

1.3.5. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ ‘9’ И ‘10’

	‘9’	‘10’
И.-е. праформы	<i>*newn̥</i> (<i>*newm̥</i>)	<i>*dek'm̥(t)</i>
Ожидаемые слав. праформы	<i>*nev̥n > *nev̥ь, *nevĕ</i>	<i>*des̥m(t), *des̥n > *desĕ</i>
Реальные слав. праформы	<i>*nev-</i> , <i>*dev̥n(t) > *devĕ, *dev̆ĕь</i>	<i>*des̥m(t), *des̥n > *desĕ, *des̆ĕь</i>

И.-е. порядковые корреляты	<i>*newn</i> \mathcal{E} -no-, <i>*newn</i> \mathcal{E} -to-	<i>*dek'm</i> \mathcal{E} -o- > <i>*dek'm</i> \mathcal{E} -to-
Слав. порядковые корреляты	<i>*devьntlas</i> > <i>*devęть(jь)</i>	<i>*desьmtlas</i> , <i>*desьntlas</i> > <i>*desęть(jь)</i>

Индоевропейские числительные '9' и '10' надежно свидетельствуются всеми индоевропейскими группами и языками. Наиболее важное в десятичном счислении числительное '10' имеет только одно обозначение во всех ветвях индоевропейской семьи. Праславянские числительные **desę* и **desęть*, засвидетельствованные в ранних письменных источниках, точно соответствуют исходным индоевропейским образованиям. Числительные **devęть* и **desęть* отражают влияние счетного ряда, в котором сложилась корреляция **pęть* – **pęть* ... **osmь* – **osmь*. Очень выразительна балто-славянская анлаутная мена *ne-* на *de-* в числительном '9', обусловленная влиянием соседнего в счетном ряду числительного **desę*. Это воздействие отразилось и в исходе слова. Числительное **devę* засвидетельствовано ранними письменными источниками, а также отражено в разного рода архаичных композитных образованиях.

1.3.6. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ '11'–'19'

Числительные от '11' до '19' в индоевропейских языках принадлежат к разным моделям образования — начиная со сложений и заканчивая различными сочетаниями с сочинительными или подчинительными отношениями компонентов. Славянские составные числительные **edinь na desęte* – **devę(ть) na desęte* образуются по модели, которая представлена также в албанском, древнеармянском, древнегреческих диалектах, общекельтском, латышском, румынском (но не в других романских языках), тохарском, а также в таком финно-угорском языке, как венгерский (см. [Blažek 1999: 332; Comrie 1992: 763; Lehmann 1991: 138–139]). Эта модель включает изменяемые названия единиц и застывшую форму МП числительного **desę(ть)* в МП с предлогом — **na desęte*. Здесь допускался также ВП, прежде всего атематический — **na desęть* и **na desę*. Таким образом, древнеславянские числительные являлись комбинациями простых числительных — в виде осложнения опорного '10': '1 + 10', '2 + 10', '3 + 10' и под.

Числительные **četyre na desęte*, **pęть na desęte* и под. включают постоянный и неизменяемый компонент — синтаксический формант, т.е. образуют морфосинтаксическое единство, являясь своего рода синтаксическими словами. Во всех славянских языках синтаксический формант изменился в аффиксоид, и это общеславянское изменение, несомненно, обусловлено природой праформ. Лексическая целостность данных числительных отражалась просо-

дически. Синтаксический формант **na desęte* являлся сочетанием проклитики и энклиномена с «автоматическим», рецессивным ударением на начальном слоге. Согласно Р. Якобсону [1963: 161], энклиномены — «акцентно самостоятельные словоформы, у которых все слоги фонологически безударны». Энклиномены не имели обязательного, ортотонического ударения. Автоматическое ударение — это «позиционное просодическое усиление начального слога энклиноменной тактовой группы» [Зализняк 1985: 120]. Простые числительные, образующие самостоятельные тактовые группы, в этом случае слагались далее в одну, общую тактовую группу — с ортотоническим или энклиноменным основанием (например, **edinъ na desęte* vs. **-pęť na desęte*) (см. [Зализняк 1985: 121]). Два просодических образца унаследованы и в аффиксоидных трансформациях данных числительных (например, *одъннадцать* vs. *пятьнадцать*).

Исходя из разграничения счетной и количественной функций числительных и судя по отступлениям от стандартного образования в древнейших памятниках, счетные и количественные формы данных числительных изначально различались. В счетной последовательности, в ряду с простыми числительными они становились сращениями-универбами, а в количественных сочетаниях выступали в составных образованиях: ...**osmъ*, **devę(tъ)*, **desę(tъ)*, **edinъnadeseę(tъ)*, **dъvanadeseę(tъ)* ... vs. ... **osmi męxъ*, **devęti męxъ*, **desęti męxъ*, **edinomu na desęte męxu*, **dъvěta na desęte męxoma*... В количественных выражениях с прямыми падежами числительных поэтому, вероятно, допускались и однословные, и составные формы.

1.3.7. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ '20'–'90'

Индоевропейские праформы числительных, обозначающих десятки, являлись композитами. Первым компонентом в них выступали основы числительных, называющих единицы, а вторым — **(d)k'omt*, который является ступенью чередования к **dek'm^ht* '10': **wlik'm^hti* '20', **trlik'omt* '30', **k^wetwlr^hk'omt* '40', **penk^wlek'omt* '50' и т.д. Согласно Семереньи [Szemerényi 1960: 64], у славян должны были развиваться формы на *-sъ*: и.-е. *penk^wlek'omt* '50' > прасл. **pęčasъ*; **ok'flok'omt* '80' > **ostasъ* и под. Он полагает, что носовые у славян здесь развиваться не могли, а образование носовых в глагольном спряжении при сходных обстоятельствах объясняется соотносительностью словоформ с первичными и вторичными окончаниями **-ntli* и **-nt*. С этим трудно согласиться, поскольку в системе числительных складывалась похожая ситуация. Дело в том, что количественные числительные соотносились с порядковыми числительными (ср., например: **ok'flok'omt* '80' – **ok'flok'm^ht-o-* '80-й'). Таким образом, в этом случае су-

ществовали условия для образования и чередования носовых гласных (ср. чередование носовых в числительном того же корня: *тѣсѣшти* — *тѣсѣшти*). Однако все эти изменения должны были происходить в достаточно поздний период, когда в славянском уже возникли составные числительные, поэтому реконструкция Семереньи имеет лишь условный характер, лишаясь реального содержания для исследования динамики славянских числительных. Хотя названия десятков указывают на самостоятельное развитие в отдельных индоевропейских языках, нет оснований считать, что у индоевропейцев не было единых обозначений десятков (см. [Sommer 1951: 7–57; Blažek 1999: 335]; ср. [Justus 1999: 148]).

Праславянские обозначения десятков должны были видоизмениться, так как они по фонетическим причинам утратили ясность второго компонента сложения. Индоевропейские сложения («compounds») в праславянском были замещены более ясными составными числительными, которые вместе с тем сохранили логику индоевропейских праформ ‘2 × 10’, ‘3 × 10’ и т.д.: **dъva desęti*, **trъje desęte*, **pęť desęť* ‘5 × 10’, **osmъ desęť* ‘8 × 10’ и под. Таким образом, однословные числительные ‘20’, ‘30’, ‘40’ и под. были у славян, как и у балтов, утрачены и замещены комбинациями простых числительных — в виде мультипликации ‘10’. Аналогичные обозначения получили названия сотен. «В германском, в балтийском и в славянском была восстановлена полная форма названия “десятка” мужского рода» [Мейе 2001: 412].

О. Семереньи предположил, что основанием для морфосинтаксического преобразования индоевропейских форм стало двойственное число числительного **wli(d)k'm Etli* ‘20’ > **vi(d)sъmti* vs. **dek'm Et* ‘10’ > **desъmt*, откуда **dъva desъmti* > **dъva desęti*. По данному образцу затем сложились в соответствии с квантитативными схемами остальные обозначения.

Числительные ‘5 Ч 10’, ‘6 Ч 10’, ‘7 Ч 10’, ‘8 Ч 10’, ‘9 Ч 10’ слагались с помощью синтаксического форманта — постоянного и неизменяемого компонента **desęť*. Поэтому данные числительные являлись своего рода синтаксическими словами и это предопределило динамику их изменений во всех славянских языках. Здесь было представлено два просодических образца. Синтаксический компонент **desęť* являлся ортотонической формой и слагался в одну тактовую группу с числительными-энклиноменами **pęť*, **ъestъ*, **devęť*. Вопреки правилам, такое же объединение происходило и с ортотоническими числительными **se(d)mbъ*, **osmbъ* — предположительно уже в позднем средневековье (см. [Зализняк 1985: 121]). Исходя из двух связанных функций числительных — счетной и количественной — и судя по отступлениям от стандартного употребления в древнейших памятниках, различались счетные, однословные, и количественные, составные, формы данных числительных:

...**pętydesęty*, **ľestydesęty*... vs. **pęti desęty tęxъ*, **ľestyjo* *desęty tęxъ*... Связь счетной функции с прямопадежными формами числительных предопределила их дальнейшую грамматическую обособленность в славянских языках.

1.3.8. ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ '100'

Сложным является вопрос о происхождении славянского **sъto*, поскольку индоевропейское **k'm @tom < *(d)k'm ʘk'omt* '10 ? 10' должно было развиваться в **sъmtlan*, **sъntlan > *sęto*, при том что в балтийском представлены закономерные формы (лит. *šimtąs*, лтш. *smmts*). В славянской огласовке лексемы наблюдается два отступления от ожидаемого результата: отсутствие носового гласного и непереднее образование гласного.

Существует несколько этимологических решений данной проблемы, однако предпочтение следовало бы отдать гипотезе, исходящей из органического развития славянской формы. Подобное объяснение приводит А. Мейе [1951: 52]. Он отрицал возможность иранского заимствования⁹ и считал допустимым реконструировать два праславянских рефлекса индоевропейских слоговых носовых: при обычном переходе **m ʘ, *n ʘ > *ьm, *ьn* возможно образование **ьm, *ьn*, а развитие **ьm, *ьn > *ь*, согласно Мейе, аналогично изменению с утратой носовости в падежных формах на **-ons > *-у*. (К этому можно добавить, что утрата носового в дифтонге была обычным развитием в приставках-предлогах **vъn-*, **sъn-* и под. Ср. прояснение носового в предложно-падежных формах местоимений: *къмоу – къ немоу, имь – съ нимь, къмь – къ немь*). Такое же развитие Мейе усматривал в случае с другим числительным: **vъtorъ < *n ʘteros*. У балтов на месте индоевропейских слоговых сонантов представлены дифтонги как с передними, так и непередними гласными [Дини 2002: 89]. П. У. Дини полагает, что и у славян отражены оба типа дифтонгов, хотя непередний гласный отмечается очень редко.

В. Блажек одной из наиболее удачных гипотез считает предположение А.А.Шахматова о дистантной ассимиляции в составном числительном **dъvě sъtě* [Blažek 1999: 305].

Ю.Шевелев [Shevelov 1964: 91] полагает, что праформа **sumtom* рядом с **simtom* возникла параллельно чередованию переднего и непереднего гласного в обозначении тысячи (см. ст.-сл. *тысяшти / тысьшти*), которое включает тот же корень. Это предположение представляется довольно реалистичным.

⁹ Иранское заимствование должно было бы иметь форму **soto*, поэтому славянского **sъto* нельзя считать иранизмом. Тем не менее неорганическая огласовка славянского слова может восходить к ирано-славянской форме, в которой были совмещены славянская и иранская огласовки.

Существует также предположение о противопоставлении **tlu(s)-sint-* ‘обильное, большое сто > тысяча’ и **su-sinto-* ‘правильное, обычное сто’ > **(sъ)sъto* (см. [Blažek 1999: 305]).

Экстравагантная гипотеза высказана О. Семереньи [Szemerényi 1960: 64]. Он усматривает в этом случае звуковое сближение соседних числительных, которое, как можно было убедиться, в лексической парадигме числительных является довольно обычным. Семереньи предполагает, что раннепраславянское **sinto* изменилось в **sъto* под влиянием предшествующего **devinsъ(n) < *newn Ѡk'omt*. Одновременно, если это предположение верно, решается другая сложная проблема: объясняется происхождение древневосточнославянского *дев'яносто < *devenosъto*. Это числительное возникает на основе указанной выше формы в результате обратного влияния числительного **sъto* (промежуточные ступени: **devinasъ* под влиянием **ostasъ < *ok' tlok'omt*, **devenosъto* в результате межслоговой ассимиляции и под влиянием **devetъ*). Как было указано выше, реконструкцию славянских обозначений числительных с ‘30’ до ‘90’ у Семереньи скорее следует считать условной, не имевшей реального значения для системы праславянских числительных.

К этому нужно добавить, что Семереньи допускал деназализацию славянского **siⁿto* в условиях аллегорической речи, которые можно считать обычными для числительных.

1.3.9. ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ ‘1000’

Числительное ‘1000’ в индоевропейском является самой крупной счетной единицей и связано с тремя формациями — юго-западной, северной и восточной. Северная формация представлена балто-славянской и германской лексемой: ст.-сл. тѣсѣшти, тѣсѣшти; лит. *tūkstantis*, лтш. *tūkstuotis*, гот. *yoilusundi*. В этом случае обычно исходят из **tlu(s)-k'm Ѡt-* (**tlu(s)-k'n Ѡt-*), где параллели к первому корню — ст.-сл. тѣшти, лит. *tukti* и под. — имеют значение ‘жиреть’, а второй корень является рефлексом числительного ‘100’. Далее видят в формах вроде славянских тѣсѣшти / тѣсѣшти причастную реинтерпретацию исходной лексической формы с предполагаемым значением ‘очень большая сотня’ (см. [Blažek 1999: 320; Comrie 1992: 792–793]). Такое толкование, по-видимому, следует отклонить, потому что у славян здесь начиная с ранних текстов представлены образования по основам на **-ī/-jā* тѣсѣшти и тѣсѣшта, тѣсѣча, как у обычных имен, но с преобладанием форм второго типа.

1.3.10. ДИСТРИБУТИВНО-СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Балто-славянские дистрибутивно-собирательные числительные наследуют индоевропейские формы с тематизацией соответствующих количественных числительных, содержащих нулевую ступень чередования и аблаутные вариан-

ты: **d(u)wey-* / **d(u)woy-*, **trey-* / **troy-*, **k^wetwer-* / **k^wetwor-*. Формы последующих числительных образованы по аналогии с последним типом в результате вычленения форманта **-er-* / **-or-*, откуда в праславянском: **četver-* / **četvor-*, **pęter-* / **pętor-*, **šester-* / **šestor-*, **sedmer-* / **sedmor-* и под. [Szemerényi 1960: 96 и сл.; Comrie 1992: 807 и сл.]. Подобные же формы представлены в литовском. В древнеславянском дистрибутивно-собирательные числительные связаны с атрибутивным употреблением. Варианты на *-er-* / *-or-* сохранились и в современном славянском узусе.

1.3.11. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОВИННОГО СЧЕТА

В северных индоевропейских диалектах получили распространение составные числительные со значением ‘один с половиной’, ‘семь с половиной’, ‘пятнадцать с половиной’ и т.п. Кроме балто-славянских языков эти числительные встречаются в датском и шведском языках, а также в неродственном, финском, языке [Comrie 1992: 814–815]. Числительные половинного счета представлены во всех славянских группах, что позволяет реконструировать праславянские формы. Как и в упомянутых языках, в праславянском модель половинного счета имеет следующий вид: **polъ vьtora*, -у ‘один с половиной’, **polъ se(d)ma*, -у ‘шесть с половиной’, **polъ šesta*, -у *na desęte* ‘пятнадцать с половиной’ и т.д. Формы порядковых числительных являются родовыми. Их особый морфосинтаксический характер подтверждается устойчивым сохранением именных (нечленных) форм порядковых числительных во всех славянских языках. Ср. примеры половинных числительных в серболужицких языках (нижнем и верхнем), которые отличаются сохранением значительного числа грамматических архаизмов: *pyltera*, *połdra* ‘один с половиной’; *połpęta*, *połpjata* ‘четыре с половиной’; *połdwažasta*, *połdwaceta* ‘девятнадцать с половиной’ и под. [Mucke 1891: 447].

1.4. СМЫСЛОВАЯ ПРИРОДА ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ: ОТСУТСТВИЕ «ДЕСКРИПТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ»¹⁰

Очевидным преувеличением представляются утверждения исследователей (ср. [Љberch 1952: 40; Lohmann 1956: 157]) о том, что славянские языки зафиксировали то достаточно архаичное состояние, когда «числовые слова» не являлись абстрактными понятиями, а имели предметное значение. Безусловно, этот взгляд не может быть принят. Он чрезмерно архаизирует реальное положение и, по существу, отсылает ко времени возникновения числовых

¹⁰ «It is because cardinals have no descriptive content that we can use them with equal ease when speaking of apples and oranges, of people and pebbles and pobbles» [Andersen 1997: 12].

слов вообще, когда количественное и предметное значения были представлены синкретично. Праславянские числительные никак не вписываются в те «примитивные» системы предметного счета, которые действительно в немалом количестве предлагают этнолингвистические наблюдения (ср. типологическую сводку в книге [Blažek 1999: 225–230]¹¹, а также выразительный пример бушменских числовых слов в статье [Stopa 1963: 196–197])¹². Морфологическая связь праславянских количественных числительных с именами существительными, как нетрудно убедиться, вовсе не определяется их предметной семантикой, а обусловлена внутрисистемными, языковыми факторами. Как отмечал в свое время А. А. Реформатский [1960: 400]: «Такое великое достижение человечества, как понимание числа и числовых связей, преломляется в языке весьма своеобразно и не прямо передает достигнутое мышлением, а подчиняет эти мыслительные данные языковому строю. Для каждого языка это неповторимо по-своему. Как и везде и всегда, в языках — это идиоматично и зависит от общего характера грамматического строя языка».

Смысловая природа числительных ярче всего проявляется в фигурах текстопостроения. Очевидно то, что, в отличие от других частеречных разрядов, содержательная сторона числительных более подвижна, отвлеченна и схематична. В древнеславянском текстообразовании содержательный стержень числительных выступает достаточно явственно. Числительные являются обозначениями матриц или схем, которые в известном смысле безразличны к их фактическому наполнению¹³. В фигурах текстопостроения они становятся нумерофор-

¹¹ См., в частности, систему счета, которая соотносится с частями тела, в языках гвинейской группы Kombai, Korowai, Wambon:

Числа	Kombai	Korowai	Wambon	Коррелирующие части тела:
1	<i>raga</i>	<i>senan</i>	<i>sanop</i>	little finger (мизинец)
2	<i>ragaragu</i>	<i>senanafɔl</i>	<i>sanop-kunip</i>	ring finger (безымянный палец)
3	<i>woraragu</i>	<i>pinggu-(lu)p</i>	<i>takhem</i>	middle finger (средний палец)
4	<i>woro</i>	<i>wajafɔl</i>	<i>hitulop</i>	index finger (указательный палец)
5	<i>abalo</i>	<i>wayo</i>	<i>ambalop</i>	thumb (большой палец)
6	<i>go</i>	<i>güdu</i>	<i>kumuk</i>	wrist (запястье)
7	<i>khani</i>	<i>lafol</i>	<i>mbe</i>	lower arm (предплечье)
и т. д.

¹² Здесь представлена простейшая количественно-предметная модель из трех компонентов: *nee* < *ne!* *kwü* < *kwai* ‘та нога – один – этот – здесь’, *!kʷ* ‘обе ноги – два – прыгать’, одним словом передается также комплекс значений ‘скорпион – три – много’.

¹³ Матричная основа семантики числительных ярко проявляется в числовых загадках. Ср.: *Стоит дуб, на дубу двенадцать гнезд, на каждом гнезде по четыре синицы, у каждой синицы по четырнадцать яиц: семь беленьких да семь черненьких.* — *Годы, месяцы, дни, ночи, неделя; Тридцать куриц — все без хвостов.* — *Зубы; Четыре брата под одной шляпой стоят.* — *Стол, ножки стола; Две ходули, два махала, два смотрила, одно кивало.* — *Человек; Два раза от матери родился, ни одного не крестился.* — *Цыпленок; и под.*

мами — фрагментами текста или целыми текстами, композиционный строй которых основывается на том или ином числе. В качестве фигур текстообразования они известны древнеславянским источникам, в том числе и еще не вполне утратившим языческой традиции. Ср. шестичленную нумероформу (3 + 3) в древнейшем заговорном тексте на бересте ГрБ № 734 (40–60 XII):

сихаїль сихаїль сихаїль

аньгъ ꙗль аньгъ ꙗль аньгъ ꙗль.

гиднь гꙗ <т.е. тро ꙗ?> има <т.е. има?> аньгꙗла.

Нумероформы являются одним из композиционных приемов в произведениях Кирилла Туровского. См., например, следующую девятичленную нумероформу в одном из его «Слов» — с обозначенным числовым членением текстового фрагмента:

Дадим по силꙗ, ѡко же можем:

I: *ов*

1(1): *милостыню*

2(1): *и безлобье*

3(1): *и любовь;*

II: *дрꙗгий* —

4(2): *дꙗвство чисто*

5(2): *и вꙗрꙗ правꙗ,*

6(2): *и смꙗренье нелицем ꙗрно;*

III: *ин* —

7(3): *псаломское пꙗнье,*

8(3): *апостолское ученье,*

9(3): *молитва с въздыханиемъ к богꙗ*

КТур XII сп. XIV, 415.

Девятичленный субстантивный ряд здесь имеет отчетливое триадическое членение: ‘3 + 3 + 3’¹⁴. Каждая триада вводится местоимением (*ов*, *дрꙗгий*, *ин*), опосредованно оформляющим линию сакрального счета и дублирующим состав опорного числового ряда. Каждая триада имеет особое лексико-

«Не только человек, но и другие заполнения мира — насекомые, животные, деревья, жилище — дом, вещи (мебель, утварь, средства передвижения и т.п.) — усвоили себе в загадке принцип числового кодирования, которое в значительной части обеспечивает связь объектов мира, являющихся предметом загадывания и разгадывания и, следовательно, некое, хотя бы относительное единство самого мира. Говоря огрубленно, все, что составно, — счетно, а все, что счетно, может быть выражено в числовом коде» [Топоров 1998: 257].

¹⁴ Символический архетип нумероформы, безусловно, ясен. См.: тꙗмъже братиѣ моѡ дълъжни ꙗсмы ꙗдино божество въ трꙗхъ своиствꙗхъ славити оꙗꙗ и сꙗꙗ и стꙗго дꙗꙗ СбТр XII/XIII, 26а.

грамматическое воплощение: первую образуют три однородные субстантивные формы, являющиеся квазисинонимами; вторая триада образована тремя однородными адъективно-субстантивными синтагмами с постпозиционно-членными формами адъективов; третью триаду образуют адъективно-субстантивные синтагмы с препозиционно-членными формами адъективов (этот ряд не до конца выдержан). Во вторую и третью триаду входят тематически родственные субстантивы (см. [Жолобов 1997а: 182–183]).

Ср. другой девятичлен:

1–2: *Ан̄гли и архн̄гли.*

3–4: *х̄кровимі и серафими.*

5–6: *власти і вл(д)чьства.*

7–8: *прстоли г(с)ьства.*

9: *и вса чиновачальн горнихъ чиновъ.*

молать тѣ х(с)е ц(с)рю всего мира

КТурКан XII сп. XIV, 227 об. [СДРЯ, I: 94].

В примерах нумероформ очевидным становится то, что матричные схемы, стоящие за одними и теми же числительными, могут иметь разную структурную конфигурацию, т.е., являясь по сути своей однородными рядами, легко допускают внутреннее дробление разного рода. В приведенном примере девятичленная нумероформа совершенно явственно обнаруживает следующую конфигурацию: ‘2 + 2 + 2 + 2 + 1’, т.е. складывается из четырех двучленов (или биномов), ряд которых завершается обобщающим одночленом. Известная в восточном богословии иерархия девяти ангельских чинов у Кирилла Туровского обнаруживает в связи с этим совершенно особый характер. Так, в известной (в том числе по древнерусским источникам — см. ДионАреоп XV₁, 37в) ангелологии Псевдо-Дионисия Ареопагита исчисление ангельских чинов складывается из трех триад. Числительные, обозначая числа, вместе с тем являлись символами идеальных сущностей, которые безразличны к количеству, «в то время как количество только одна из форм функционирования числа в материи» [Лосев 1994: 782].

Итак, *деѣлта* обозначает не только ‘9’, но и ‘3 + 3 + 3’, ‘2 + 2 + 2 + 2 + 1’, ‘1 + 1 + 1 + 1 + 1 + 1 + 1 + 1 + 1’ и т.д., т.е. семантика числительных, будучи структурированной, подспудно может подразумевать также простейшие арифметические действия. Этот вывод поддерживается типологическими семантико-этимологическими параллелями, в которых внутренняя форма числительных отражает арифметические действия. Ср. внутреннюю форму числительных в индейском языке *chumash*: *skumi* ‘4’ < ‘2²’ (образовано от числительного *iskoto* ‘2’), *yiti-paka* ‘5’ < ‘возникать-один’ (т.е. ‘1’ появляется после

‘4’), *yiti-skomo* ‘6’ < ‘возникать-два’ и т.д.; в чукотском языке: *ynnan-mytylynen* ‘6’ < ‘1 + 5’, *ner’a-mytylynen* ‘7’ < ‘2 + 5’; в монгольском языке: *ljityger* ‘7’ < ‘второй’ (т.е. ‘2’ после ‘5’) *ljityrme-de-* ‘20’ < ‘удвоить’; в юкагирском языке: *malji-yaloi* ‘6’ < ‘2 × 3’; в протошумерском языке: **i-aš(-u)* ‘6’ < ‘5 + 1’, **i-min(-u)* ‘7’ < ‘5 + 2’ и мн. др. (см. [Blažek 1999: 328–331]). Вероятные сравнительно-исторические параллели приводились выше.

В языковом умозрении числовые обозначения обеспечивают мерность и упорядоченность пространственно-количественного строя природной среды и предметного окружения, становясь, по словам В.Н.Топорова, образом мира (*imago mundi*) (см. [Топоров 1980: 5]). Разнообразие и переменчивость предметных связей тем не менее всегда возвращают к числу как исходной константе, лишенной собственных предметных свойств. Числа суть матрицы или схемы, соразмерность с которыми предметных или событийных явлений создает иллюзию их тождества. Числительные суть свидетельства дискретности, членимости воспринимаемого мира, поэтому их семантика соотносительна с оценкой его структурных свойств. Таким образом, так называемые предметные значения числительных всегда опосредованы и не связаны с их морфологическим характером, который может быть различным, а обусловлены их функциональной нацеленностью на предметный мир, как в хозяйственно-бытовой, так и в отвлеченно-мыслительной сферах деятельности.

1.5. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ И СМЫСЛОВАЯ УПОРЯДОЧЕННОСТЬ ТЕКСТА

Числительные не только конституируют хронотопические представления, но и обеспечивают членение и упорядоченность таких сложных семантических образований, как текст. Классическим примером этому может служить «Десятословие», мнемотехническим основанием которого является пальцевой счет (см. ГА XIV₁, 67б–в).

Такой же упорядоченный ряд основывается на числительных в библейском рассказе о десяти казнях египетских:

и попусти Бѣ ·і· казнии [на] Фараѡна ·а· рѣки въ кровь · ·в· жабы ·г· мышцѣ ·д· песья муки¹⁵ · ·е· смѣрть на скоть · ·з· прыщѣеве горщи · ·ѣ· градъ ·й· пружи ·ѳ· тьма ·і· дни ·і· моръ в члвцхъ ЛЛ 1377, 31 об.–32.

1.6. БУКВЕННАЯ ЦИФИРЬ

¹⁵ В РА *мухи*.

Семантико-семиотическая обособленность числительных особым образом проявилась при возникновении письменности. Числительные были наделены знаковыми корреляциями в виде буквенной цифири. Можно предположить, что употребление греческой буквенной цифири у славян стало причиной развития и закрепления кириллической системы письма. В противном случае трудно объяснить распространение нового алфавита вместо славянской глаголицы. В сравнительно-типологическом плане это предположение представляется естественным. Так, известно, что древнейшие системы письма у истоков своих связаны с обозначением числительных (см. [Супрун 1990: 583; Blažek 1999: 335–336]).

Греческий алфавит был идеально приспособлен для выражения количественно-числовых обозначений. В звуковом алфавите было 24 буквы, а полный алфавит включал дополнительные буквы и насчитывал 27 знаков¹⁶. Существование 27-буквенного алфавита было обусловлено потребностями записи количественных обозначений. Он имел четкое членение — 3 ? 9 знаков: первые 9 букв обозначали единицы, вторые 9 букв — десятки, третьи 9 букв — сотни. С помощью подстрочных значков эти же буквы использовались для обозначения тысяч, десятков тысяч и т.д.

В древнюю кириллицу вошли все 27 букв полного греческого алфавита, несмотря на то, что некоторые буквы не могли иметь звукового значения. Они могли использоваться лишь как цифровые знаки, и это вновь указывает на первичное предназначение кириллического письма. Строгое следование греческой цифири в кириллице привело к алогичности, которая была преодолена в глаголице: во-первых, целый ряд букв в кириллице оказался не соотношенным с цифровыми значениями; во-вторых, место буквы в алфавите перестало соответствовать ее цифровому значению.

Звуковой кириллический алфавит, как известно, был существенно расширен по сравнению с исходным греческим алфавитом, в то время как древний цифирный алфавит у славян совпадал с полным греческим алфавитом, в котором было 27 (= 3 Ч 9) знаков. См.:

	единицы
1	· $\bar{\alpha}$ ·
2	· $\bar{\beta}$ ·
3	· $\bar{\gamma}$ ·
4	· $\bar{\delta}$ ·

	Десятки
10	· $\bar{\iota}$ ·
20	· $\bar{\kappa}$ ·
30	· $\bar{\lambda}$ ·
40	· $\bar{\mu}$ ·

	Сотни
100	· $\bar{\rho}$ ·
200	· $\bar{\sigma}$ ·
300	· $\bar{\tau}$ ·
400	· $\bar{\upsilon}$ ·

¹⁶ У евреев также использовалось 27 буквоцифр, хотя звуковой значимостью обладали только 22 буквы (см. [Dornseiff 1925: 91]).

5	·ε̄·
6	·ε̄·
7	·ζ̄·
8	·η̄·
9	·θ̄·

50	·π̄·
60	·ξ̄·
70	·ο̄·
80	·π̄·
90	·ς̄·

500	·φ̄·
600	·χ̄·
700	·ψ̄·
800	·ω̄·
900	·π̄·

В древнерусской письменности знак стигмы ε ‘6’ вытесняется начиная с ЕВА 1092 буквой ε, которая «употребляется одна в течение XII–XIV вв.» [Соболевский 1908: 52]¹⁷. Это может свидетельствовать о независимом бытовании греческой цифири в Древней Руси. Оба буквенных варианта имеют соответствие в греческом письме 60-х годов IX века (см. [Карский 1979: 164, 216]). Хотя Е. Ф. Карский и указывает на использование буквы ε в южнославянской надписи 993 г., необходимо иметь в виду, что в древнерусской письменности ее употребление обнаруживает черты устойчивой традиции¹⁸.

Существуют и «документированные свидетельства использования цифровых записей» уже в середине и во второй половине X в., которые обнаружены в самом начале «русского слоя» в Тамани и Белой Веже, «где Русь тесно соприкасалась с византийским миром и Хазарией» [Медынцева 2000: 245]. Даже если исходить из того, что найденные фрагменты записей имеют греческое происхождение, это не отменяет возможного проникновения цифирной грамоты в хозяйственно-бытовую жизнь Древней Руси.

Греческая коппа, обозначающая ‘90’, только в XIV в. была вытеснена похожей на нее буквой ч. Позднее под влиянием глаголической традиции появляется и другое обозначение — ц.

Греческую сампи, обозначавшую ‘900’, постепенно заменила похожая кириллическая буква ѡ. Переходное к юсу обозначение ‘900’ отмечается в Изб 1073. Как и юс малый, буква в этом случае имеет три ножки, но поперечная линия отсутствует и средняя ножка выходит из той же точки, что и две боковых ножки: лѣтъ ·ε̄λ̄ξ̄ζ̄ 250¹⁹. Юс малый нигде подобным образом в Изб 1073 более не записан.

При обозначении числительных буквоцифры обычно записывались под титлом и с обеих сторон от них ставились точки: ·λ̄· ‘1’, ·δ̄· ‘4’ и под.

¹⁷ Дважды эта буква встречается в ЕвО 1056–1057.

¹⁸ В наиболее ранних источниках древнерусского письма — таких, как Изб 1073, переписанных с древнеболгарских текстов, последовательно употребляется ε.

¹⁹ В толковании Изб 1073 это год рождения Христа. По техническим причинам в нашей записи использована обычная буква юса малого.

При обозначении тысяч использовался особый подстрочный значок: $\cdot\bar{\text{д}}$ ‘1000’, $\cdot\bar{\text{д}}$ ‘4000’, $\cdot\bar{\text{з}}$ ‘7000’, $\cdot\bar{\text{м}}$ ‘40000’.

Составные числительные обозначались комбинациями буквоцифр: $\cdot\bar{\text{к}}$ ‘12’, $\cdot\bar{\text{к}}$ ‘21’, $\cdot\bar{\text{рмз}}$ ‘146’ и т.д. Расстановка служебных знаков имела разный характер. См. раннедревнерусские примеры:

Слава тебѣ ги црю нбсьныи ѿако съподоби ма написати еу(г)лие се ѿ по-
чахъ же е писати ѿ въ лѣ(т) $\cdot\bar{\text{с}}$ $\cdot\bar{\text{ф}}$ $\cdot\bar{\text{з}}$ $\cdot\bar{\text{д}}$ а оконьчахъ е въ лѣ(т) [$\cdot\bar{\text{с}}$] $\cdot\bar{\text{ф}}$ $\cdot\bar{\text{з}}$ $\cdot\bar{\text{е}}$. Ево
1056–1057, 294; марта $\cdot\bar{\text{л}}$ сладько аждь и пии Изб 1073, 251; < въ лѣто
 $\cdot\bar{\text{с}}$ $\cdot\bar{\text{ф}}$ $\cdot\bar{\text{з}}$ ин(д) $\cdot\bar{\text{с}}$ глѣбъ князь мѣриль м(о) по ледѣ $\bar{\text{ѡ}}$ тьмѣторокана до
кърчева $\cdot\bar{\text{л}}$ и $\cdot\bar{\text{д}}$ саже Надп 1068; събора кардагеньска ѿ правило $\cdot\bar{\text{рз}}$ КЕ
XII, 7; рече же ц(с)рь да и ведоуть въ тьмьницу ѿ и възложить $\cdot\bar{\text{р}}$ и $\cdot\bar{\text{м}}$ мѣрь
желѣзнъ таготъ СБУ XII/XIII, 127г.

Порядок следования букв при обозначении числительных ‘11’–‘19’ соответствует речевому образу: $\cdot\bar{\text{л}}$ ‘одинъ на десѣте’, $\cdot\bar{\text{к}}$ ‘дѣка на десѣте’, $\cdot\bar{\text{п}}$ ‘осма на десѣте’. Однако в переводных памятниках древнерусского письма встречается и другой тип выражений, вызванный подражанием греческой модели. См.:

$\bar{\text{л}}$ же животь сѣтъ имена ѿ и гѣхъ м(с)ци Изб 1073, 250 об.; матѣина же
единъ сы ѿ $\cdot\bar{\text{о}}$ притьченъ <так!> бы къ $\cdot\bar{\text{л}}$ аплоу 262; Баше же всѣхъ мо-
ужь ѿако $\bar{\text{л}}$ АпХрист сер. XII: Деян. 19, 7–8; И измѣрше глоубиноу ...
обрѣтохомъ сажень $\bar{\text{е}}$ Деян. 27, 28.

В Изб 1073 достаточно последовательно выдержана именно эта модель. Так, в оглавлении на л. 123, где использованы все числительные второго десятка, используется лишь подобная запись: $\bar{\text{л}}$... $\bar{\text{л}}$. Много примеров подобных обозначений в КЕ XII²⁰. См.:

правило $\cdot\bar{\text{п}}$ (□□□) <sic> 7; Главизна $\cdot\bar{\text{г}}$ (□□□) 7 об.; Главизна $\cdot\bar{\text{д}}$ (□□□) 7 об.;
правило $\cdot\bar{\text{з}}$ (□□□) 7 об.; събора гаггрьска правило $\cdot\bar{\text{е}}$ $\bar{\text{з}}$ (□□□. □□□) 7 об.; отъ
ап(с)ль ѿ правило $\cdot\bar{\text{л}}$ (греч. нет) 10; василина правило $\cdot\bar{\text{л}}$ $\bar{\text{з}}$ (□□□.□) <sic> 10;
Главизна $\cdot\bar{\text{д}}$ (□□□) 10 об.; мн. др.

vs.

Главизна $\cdot\bar{\text{л}}$ (□□□) 7; Главизна $\cdot\bar{\text{к}}$ (□□□) 7; Главизна $\cdot\bar{\text{е}}$ (□□□) 7 об.; Главизна
 $\cdot\bar{\text{е}}$ (□□□) 10; Главизна $\cdot\bar{\text{з}}$ (□□□) 10; Главизна $\cdot\bar{\text{п}}$ (□□□) 10 и мн. др.

²⁰ В издании точка ставится после слова без пробела, а затем устанавливается пробел, но такая постановка знака не соответствует письменной традиции.

Буквенная цифирь широко представлена в древнерусской письменности вне зависимости от ее жанрово-стилистических особенностей. Она способствовала существенной экономии времени, сил и места при записи как на пергамене, так и прежде всего на бересте. Однако ее использование в немалой степени затрудняет изучение грамматической динамики числительных. Например, в такой большой и важной рукописи, как Лаврентьевская летопись, среди множества составных числительных только два представлены в словесной форме.

Гораздо большей информативностью обладает цифирь, дополненная записью концовки числовых слов. При такой записи числительное обозначалось буквенной цифирью, а последний слог (или два) в названиях чисел передавался звуковым письмом:

амн^и глѣ камѣ. радочетѣ сѧ еи. паче неже децати десѧтѣ и ѿти <т.е. децати>. непогѣбшихъ Сав: Мф. 18, 13; радочетѣ сѧ о неи паче · неже о ѿтѣ <т.е. децати десѧтѣ> и ѿ незаблѣждшихъ Ват: Мф. 18, 13; ѿми <т.е. четырьми десѧтми> рѣзанами ГрБ № 247 (20–50 XI); ѿте <т.е. двѣ на десѧте> лѣтѣ сътвори хъ ПС к. XI, 78; и принаша ѿте <т.е. три десѧте> серебряникъ ЕвМст к. XI, 152г (Мф. 27. 9); числьмъ ѿте <т.е. четыре десѧте> Злат XII, 95 об.; оуставляють(с) на коиждо пѣ(с) · по ѿти <т.е. десѧти> стихо(в) УСт к. XII, 37; съ · ѿю <т.е. шестью> сътъ и трѣми десѧтми оцѣ въ халькидонѣ СБУ XII/XIII, 104а; приключи же сѧ оусьноути родителема юго по ѿти <т.е. десѧти> лѣтъ 293г; тѣм же ѿтъ ти ѿма <т.е. семи десѧтъ ти двѣма> дѣло кончавше(м) СбТол XIII₂, 113 об.; слыши ѿ лхъ <т.е. трехъ десѧтехъ> сребреницѣ(х) 162; ѿтъ <т.е. семьдесѧтъ> гривень серебра Гр ок. 1300 (риж.); і гоначе биша ихъ на ѿми <т.е. семи> версть по ледоу ЛН ок. 1330, 129 об. и т.п.

Так же могут оформляться порядковые числительные, и для них это более привычный способ записи, позволяющий избежать смешения количественных и порядковых форм:

мо(л) ѿла <т.е. третьла> томоу же СбЯр XIII₂, 225; бываетъ же испрошенье прѣжданью въздрѧста · моужемъ оубо ѿ двѧдѧтаго <т.е. двѧдѧтаго> лѣта КР 1284, 275г; въ ѿноу <т.е. семьдесѧтноу> же лѣ(т) Моисинѣво изидоша снѣве Излѣви из Югоупта ГА XIV₁, 59г; съ славою ѿн <т.е. второн> пришествиѣ ц(с)рѣ всѣхъ ЕфрСир сер. XIV, 1г; ѿма <т.е. первѧма> давыжа ста ѿла <т.е. вторѧла> слѣпчева ста ѿма <т.е. третьма> бобыкова ста ѿма <т.е. четвертѧма> ѿлексина ста ѿма <т.е. пятѧма> ратиборова ста ѿма <т.е.

шестам > кондратова ста $\cdot\bar{з}\cdot\bar{н}$ <т.е. *семам*> романова ста $\bar{и}\cdot\bar{н}$ <т.е. *осмам*> · сидорова ста $\bar{ф}$ <т.е. *девтам*> гаврилова ста $\bar{и}\cdot\bar{н}$ <т.е. *десам*> кнжа ста УЯр сп. 1265–1267 сп. XIV₂, 60; В лк(т) $\cdot\bar{з}\cdot\bar{нон}$ <т.е. *шеститысачнон*> $\bar{ф}$ · соть $\cdot\bar{з}\cdot\bar{н}$ <т.е. *шестон*> УСт 1398, 151 об.; т.п.

Хотя и очень редко, но отмечается подобная же запись собирательных числительных:

а закона бо мосеовы суть $\bar{е}\cdot\bar{ры}$ <т.е. *патеры*> <книги> СбТол XIII₂, 114; и ту обрѣте дѣтии $\bar{д}\cdot\bar{ро}$ <т.е. *четверо*> х(с)вы ради вѣры Пр 1383, 78г.

Составные и сложные числительные могли передаваться комбинированной, словесно-цифровой записью. В этом случае рядом оказывались цифровые и словесные обозначения числительных:

дъвѣ <так!> *сѣтѣ* $\bar{н}$ мужь · на арона въставъше и · божинѣ огнѣ брашьно быша Изб 1073, 188; въ шестьдесятѣмъ п'салмѣ. и въ $\bar{з}$. *семѣмъ* <т.е. шесть десять *семѣмъ*>. заблазниса ПС к. XI, 112; два дължника бѣста заимодавцю нѣккомоу. ѳдинѣ дължнѣ бѣ $\bar{е}$. *сѣтъ* <т.е. *пять сѣтъ*> пѣназь а другыи патию десять ЕвМст к. XI, 168в (Лк. 7, 41); ко нѣжнѣцю дае $\bar{з}$: *десат*<о> <т.е. *шесть десатъ*> коуно лодиеноую Звен № 2 (10–30 XII); водае паробоку моему *з на десате* <т.е. *семь на десате*> гривено ГрБ № 624 (XII₂); *седми* оубо и *шести* $\bar{и}$ <т.е. *шести десатъ*> ложивѣ <так!> лк(т). въ недоугѣ тажекѣ ... въпаде ЖФСт к. XII, 163 об.; *ѳдиномоу же на* $\bar{и}$ <т.е. *ѳдиномоу же на десате*> наставѣ дни м(с)ца 167 об.; таче шедѣ вода же ключи въсходящи до $\bar{и}$ *на десате* <т.е. *трѣхъ на десате*> прѣмость СБУ XII/XIII, 68а; на $\cdot\bar{в}\bar{з}$ · коноу безѣ *полоу* $\cdot\bar{и}$ <т.е. *полоу десаты*> кне ... на рѣжи *поль* $\cdot\bar{и}$ коуне ГрБ № 609 (XII/XIII); истѣрю мою :з: *сотъ* <т.е. *шесть сотъ*> паки жѣ ли послити<та> 510 (к. XII–XIII₁); множайше бо суть англѣ $\bar{ф}$. *десат*(т) <т.е. *девять десатъ*> · ти $\bar{ф}$ · есть ѳнѣхъ СбТол XIII₂, 180; въ лѣто шеститысачнон и $\omega\cdot\bar{и}\cdot\bar{сотнон}$ <т.е. *ѳмисотнон*> девѣнсто. третенѣ ГрЮЗ № 32 (1385); ли па че $\cdot\bar{з}\cdot\bar{мидесатъ}$ <т.е. *семидесатъ*> лѣтъ ли осмидесатъ <так!> будетъ наша жизнь · ни во что же ѳсть къ будущему вѣку ФСт XIV/XV, 19б; по $\cdot\bar{е}\cdot\bar{десато}$ (м) <т.е. *пятидесатомъ*> п(с)лмѣ ПКП 1406, 3а; т.п.

Комбинированная запись отражала исходную полилексемность и разнообразность сложных количественных выражений.

Иногда встречается словесное дублирование второй части составного числительного, записанного цифирью:

и обави славою своѣмъ · дѣньми ·^{м̄}· десяти Изб 1073, 247 об.; по ·^{л̄}· десятиамъ александринае конмѣждо м(с)цѣ даждь 249; въ ·^ѣ·^{с̄}· тысящитѣмъ лѣтъ нависѣмъ гѣ 250 об.

1.7. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В ТАЙНОПИСИ

Через библейскую литературу славяне приобщились к архаической традиции числового символизма — в том числе скрытого и требующего дешифровки. Знаковое тождество буквы и цифры способствовало развитию мистико-нумерологических штудий, когда между словами разыскивалась потаенная связь через числовые значения букв. Ярким примером числового кода были гематрии — зашифрованные записи имен с помощью буквоцифр. Несомненные примеры гематрий содержит Библия (см. [Словарь библейского богословия 1998: 1258–1259]). Самой интригующей криптограммой стало «число зверя» в Откровении Иоанна:

сдѣ мдзрѣтъ естѣ. имѣнни оу^{м̄} да прочтѣтъ число звѣрино ко члѣче естѣ число его ·^{х̄}·^{з̄}· НЗЧ 1354, 154в–г: Откр. 13, 18²¹.

Разгадка цифровой тайнописи осложняется не только разнообразием допустимых ответов, но и тем, что значение буквоцифр подвергалось герменевтической редукции, когда утрачивалась разноразрядность, а обозначения десятков и сотен отождествлялись с обозначениями соответствующих единиц. В этом случае, например, число 318 рабов Авраама (Быт. 14, 14) не только соответствует числу имени Елеазара, домоправителя Авраама, но и по редукции разноразрядности дает «совершенное число» 12 (= 3 + 1 + 8), столь важное для библейского повествования в обеих его частях — ветхозаветной и новозаветной.

Если простое число являлось нумерологемой, имело сакрально-символический характер, то и все кратные ему числа других разрядов приобретали те же свойства:

НЕ ТОКМО ЖЕ К СЕДМЕРИЦИ ЧЗТѢ СЕДМОМУ · НО И К СЕДМИ ДЕСА^{т̄} СЕДМИЦА · СЕДМЕРИЦИ ЖЕ ГЛѢТѢ НЕ ТОКМО ДНЕМЪ НО И ЛѢТО^{м̄} · КО ДНѢ^{х̄} КО ·^{з̄}· НЕДѢЛА СТВОРАЕ^{т̄} ·^{е̄}· ДЕСАТНИЦЮ БОНАРЕЧЕНЗИ ДНѢ Ѡ ЖИДО^{к̄} ГѢ к. XIV, 84а.

Цифровая тайнопись использовалась и в славянских рукописях. Вместо буквоцифр использовались также их словесные описания, как в криптограмме, заключающей имя переводчика книг Псевдо-Дионисия Ареопагита в русском списке 1371 г. [Соболевский 1908: 112; Карский 1979: 256]. См.:

²¹ В наборном издании ошибочно дано ·^{х̄}·^{з̄}·^{с̄}·

ПРОЩЕНІЮ ВѢШЕМЪ И МЕНЕ СПО^лВЛАИТЕ, ОУ^т ВѢГА ИСПРАШАЮЩЕ ѠСТАВЛЕНІЕ
 БЕЗДНѢ МОЕГО ѠКААНСТВА ГРѢХѠ^м. И ИМА^т К ИНОКХИ^х МЕНЕ ХУДАГО АЩЕ
 ХОЩЕШИ ОУВИДѢТИ, НАЧАЛО ТОМОУ ЕСТЬ ѠСМЕРИЧНОЕ ЧИСЛО. СРЕДА^т
 ДВѠСОТНОЕ І ПЕРКОС. КѠНЕЦА^т ДЕСАТО СХ ЕДИНѢМА НАКОНЧЕКАЕТАЗ.

Из описания явствует, что славянского переводчика звали ислѣа. Криптограмма имеет простой ключ: ‘8’ = и, ‘200’ = с, ‘1’ = а, ‘10’ = ї, ‘1’ = а.

Судя по своду записей в древнерусских пергаменных кодексах [Столярова 2000], наиболее ранние примеры подобного рода находятся в записях к Псковскому апостолу 1307 г. (см. [Сперанский 1929: 108, 133; Столярова 2000: 180–184]). Одна криптограмма в этом источнике имеет простой ключ (л. 180б):

а Ѡ^тлѡ^т бѡ^т · нѡ^т · бѡ^т · дѡ^т · бѡ^т · з < т.е. (2 + 2) 4 = д, (50 + 20) 70 = о, (20 + 20) 40 = м, (4 + 4) 8 = и, (2 + 2) 4 = д, ѡ ~ Домидъ>.

Вторая запись не получила разгадки (л. 180):

Ѡ · з · з · з · з · з · в море <

пѡ^т · земель · дѡ^т

тѡ^т · море · моудрѡ^т

разумекѡ^т :"\$

ИСТОЧНИКИ

ТЕКСТЫ

АпХрист XII — Христинопольский Апостол // *Actus epistolaeque Apostolorum palaeoslovenice. Ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII° scripti edidit Aemilianus Kałużniacki. Vindobonae, 1896. 257 p.*

БГД XIII — Беседы Григория Двоеслова на Евангелие, РНБ, Погод. 70. 328 л.

Ват — Ватиканско евангелие: Старобългарски кирилски апракос от X в. в палимпсестен кодекс *Vat. Gr. 2502 / Т. Кръстанов, А.-М. Тотоманова, И. Добрев. София, 1996. 218 с.*

ГА XIV₁ — Истрин В. М. Книги временные и образные Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. I: Текст. Пг., 1920. XVIII, 612, III с.

ГБ к. XIV — 16 слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского, ГИМ, Син. 954. 213 л.

Гр ок. 1300 (риж.) — Грамата рыжан да вицебскага князя Міхаіла Канстанцінавіча каля 1300 г. // *Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы. Ч. 1. Мінск, 1961. С. 43–47.*

ГрБ (+ номер грамоты) — Грамоты берестяные // *Зализняк 1995; Зализняк 2004; Зализняк, Торопова, Янин 2005. С. 24–31.*

ГрЮЗ (+ номер грамоты) — Грамоты XIV ст. / Упорядк., вст. ст., ком. і слов.-показ. М. М. Пещак. Київ, 1974. 256 с.

ДионАреоп XV₁ — Псевдо-Дионисий Ареопагит. «О небесном священноначалии». Древнерусский текст (подгот. А. А. Смирнова). С. 785–867 // *Громов М. Н., Мильков В. В. Идеиные течения древнерусской мысли. СПб., 2001.*

ЕвМст к. XI — Апракос Мстислава Великого / Изд. подгот. Л. П. Жуковская, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова. М., 1983. 528 с.

ЕвО 1056–1057 — Остромирово евангелие 1056–57 г.: С приложением греческого текста Евангелий и с грамматическими объяснениями / Изд. А. Х. Востоков. СПб., 1843. VIII с., 294 л., 324 с.

текст. М., 1978. 64 с.

ЕфрСир сер. XIV — Паренесис Ефрема Сирина, РГБ, Тр. 7. 246 л.

ЖВИ XIV–XV — Житие Варлаама и Иоасафа, РНБ, Соф. 1365. Л. 1в–135г.

ЖФСт к. XII — Житие Феодора Студита // *Выголексинский сборник / Изд. подготовили В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Голыщенко. М., 1977. Л. 33 об. –171.*

Звен (+ номер грамоты) — Грамоты из Звенигорода Галицкого // Зализняк 2004.

Зоґр — Quattuor Evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus / Edidit V. Jagič. Grac, 1954 (Unveränderter Abdruck der 1879 bei Weidmann, Berlin erschienenen Ausgabe). XLVI, 176 p.

ЗЦ XIV/XV — Златая цепь, РГБ, Тр. 11. 122 л.

Изб 1073 — Изборник великаго князя Святослава Ярославича 1073 года. СПб., 1880. X с., 266 л.

Изб 1076 — Изборник 1076 г. / Изд. подгот. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965. 1092 с.

КЕ XII — Кормчая Ефремовская // Бенешевич В. Н. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1, вып. 1–3. СПб., 1906–1907. 840 с.

КН 1285–1291 — Новгородская кормчая, ГИМ, Син. 132. 631 л.

КР 1284 — Рязанская кормчая, РНБ, Ф. п. I. 1. 402 л.

КТур XII сп. XIV — Слова Кирилла Туровского // М. Сухомлинов. Рукописи графа А. С. Уварова, т. II. СПб., 1858. 3–73 с.

КТурКан XII сп. XIV — Каноны Кирилла Туровского по рукописи: Обиход церковный, РНБ, Соф. 1052. Л. 219 об.–232.

ЛИ ок. 1425 — Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. (938 стб.). 307 л.

ЛЛ 1377 — Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. (Стб. 1–488). 261 л.

ЛН — Новгородская харатейная летопись / Издано под наблюдением М. Н. Тихомирова. М., 1964:

ЛН XIII₂ — л. 1–118 об.

ЛН ок. 1330 — л. 119–167 об.

ЛН сер. XIV — л. 167 об.–169.

МинП XI — Новгородская служебная минея на май (Путятин минея). XI век: Текст, исследования, указатели / Подг. В. А. Баранов, В. М. Марков. Ижевск, 2003. Л. 1–135.

Надп 1068 — Тмутороканская надпись 1068 г. // Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 1. М., 1999. С. 21.

НЗЧ 1354 — Neues Testament des Cudov-Klosters (Phototypische Ausgabe von Leontij Metropolit von Moskau, Moskau 1892, mit einer Einleitung herausgegeben von Werner Lehfeldt). Кцлн; Wien, 1989. 42 S.+8 S.+170 Bl. (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven; Bd. 28); Чудовская рукопись Нового Завета 1354 года / Подготовка текста, компьютерный набор, верстка Александровой Т. Л. М., 2001. Л. 3а–170а.

ПКП 1406 — Киево-Печерский патерик (Арсениевская редакция), РНБ, Q. I. 31. 202 л.

Пр 1383 — Пролог, РГАДА, Тип. 172. 157 л.

ПС к. XI — Синайский патерик / Издание подготовили В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. М., 1967. 412 с.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РПр сп. 1285–1291 — Русская правда (пространная редакция) по списку КН 1285–1291. Л. 615г–627в.

СБТол XIII₂ — Толстовский сборник, РНБ, Ф. п. I. 39. 184 л.

СБТр XII/XIII — Popovski J., Thomson F. J., Veder W. R. The Troickij sbornik (Cod. Moskva, GBL, F. 304 (Troice-Sergieva lavra) N 12): Text in transcription // Полата књигописьная. 1988. № 21–22. 202 p.; www.stsl.ru (цифровая фотокопия).

СБУ XII/XIII — Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. 768 с.

СБЯр XIII₂ — Сборник молитв, Ярославский музей-заповедник, № 15481. 226 л. (по фотокопии).

Смол (+ номер грамоты) — Смоленские берестяные грамоты // Зализняк 1995; Зализняк 2004.

Супр — Супрасльская рукопись. Труд Сергея Северьянова. СПб., 1904. VI, 570 с., 3 л. (Памятники старославянского языка. Том II, вып. 1).

УСт к. XII — Устав студийский церковный и монастырский, конца XII в. // А. М. Пентковский. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001. 430 с.

УСт 1398 — Устав Студийский, ГИМ, Син. 333. 151 л.

УЯр 1265–1267 сп. XIV₂ — Устав Ярослава о мостах по рукописи: Сборник Мусин-Пушкинский, РГАДА, ф. 135, отд. V, рубр. I, № 1, л. 59 об. – 60 об.

ФСт XIV/XV — Огласительные поучения Феодора Студита, РГБ, МДА 52. 230 л.

СЛОВАРИ

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. СПб., 1996.

Дьяченко — Протоиерей Григорий Дьяченко. Полный церковнославянский словарь. М., 1993. 1120 с.

НРЭ — Новое в русской этимологии. I. М., 2003. 280 с.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–VII. М., 1988–2004–.

Срезн. — Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. I–III. СПб., 1893–1903.

ССС — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994. 842 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праoslavянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1–31–. М., 1974–2005–.

Kopečný — Kopečný F. Základní všeslovanská zásoba. Praha, 1981. 484 s.

Sadnik L., Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955. 341 S.

SJS — Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1956–1997. Т. I–IV.

SP — Słownik prasłowiański / Pod red. Fr. Sławskiego. Т. 1–7–. Wrocław etc., 1974–1995.

КАРТОТЕКИ И ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩА

ГИМ — Государственный исторический музей, Отдел рукописей и старопечатных книг (Москва).

КСДР — Картотека Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.), Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва).

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (бывш. ЦГАДА, Москва).

РГБ — Российская государственная библиотека (бывш. ГБЛ), Отдел рукописей (Москва).

РНБ — Российская национальная библиотека (бывш. ГПБ), Отдел рукописей и редких книг (Санкт-Петербург).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Багрянский И. М. Имя числительное в русском языке XI–XVII вв. Самарканд, 1957. 100 с. (Труды Узбекского государственного университета; Вып. 71).

Багрянский И. М. Имя числительное в русском языке XI–XVII вв. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1960. 38 с.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Том II. М., 1963. 391 с.

Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952. 448 с.

Виноградов В. В. Современный русский язык. Вып. 2: Грамматическое учение о слове. М., 1938. 590 с.

Витанова М. Следи от бройни системи, различни от десетичната, в българските говори // Българска реч. Година VII/2001, книга 3. С. 14–17.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Кн. 1–2. 1332 с.

Грамматика-70 — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. 767 с.

Грамматика-80 — Русская грамматика. Т. I: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология; Т. II: Синтаксис. М., 1980 (Т. I. 783 с.; Т. II. 709 с.).

Дини П. У. Балтийские языки. М., 2002. 544 с.

Дровникова Л. Н. История числительных в русском языке. Владивосток, 1985. 112 с.

Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986. 236 с.

Еленски Й. Параллелизм в развитии количественных сочетаний в славянских языках // Славянска филология. Том XV: Езикознание. София, 1978. С. 81–92.

Живов В. М. Части речи // ЛЭС. М., 1990. С. 578.

Жолобов О. Ф. О числовых символах в древнерусском текстообразовании // Studien zur russischen Sprache und Literatur des 11.–18. Jahrhunderts. Frankfurt/Main etc., 1997a. С. 181–194. (Beiträge zur Slavistik; Bd. 33).

Жолобов О. Ф. Древнерусское двойственное число в общеславянском контексте. Казань, 1997б. 114 с.

Жолобов О. Ф. История двойственного числа и квантитативных конструкций в русском языке. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998. 36 с.

Жолобов О. Ф. Древнеславянские числительные как часть речи // Вопр. языкознания. 2001. № 2. С. 94–109.

Жолобов О. Ф. Морфосинтаксис числительных *два, три, четыре*: к истории малого квантитатива // Russian Linguistics. 2002a. Vol. 26. No. 1. С. 1–27.

Жолобов О. Ф. Древнерусский счет: *деся, наця, тридевя...* // Russian Linguistics. 2002б. Vol. 26. No. 3. С. 293–310.

Жолобов О. Ф. Было ли в Древней Руси девятичное счисление? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002в. 3 (9). С. 54–60.

Жолобов О. Ф. Морфосинтаксис древнеславянских числительных // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации. М., 2003а. С. 162–176.

Жолобов О. Ф. Морфосинтаксические и семантико-стилистические особенности числительных '1' и '11' в раннедревнерусском языке // Acta universitatis Lodzensis. Folia linguistica rossica. 1: Funkcjonowanie srodkow jezykowo-stylistycznych w tekstach mowionych i pisanych. Lodz, 2003б. С. 161–176.

Жолобов О. Ф. К истории малого квантитатива: аднумеративные формы прилагательных и существительных // *Russian Linguistics*. 2003в. Vol. 27. No. 2. С. 177–197.

Жолобов О. Ф. Загадки древнерусского счета: *девяносто* // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2004а. 2(16). С. 12–17.

Жолобов О. Ф. Древнерусский счет: *девяносто, тридцать, четыре между десяма, сорокъ* // *Russian Linguistics*. 2004б. Vol. 28. № 3. С. 409–416.

Жолобов О. Ф. Об одном балто-славянском архаизме: ‘3 Ч 9’ // *Studia mythologica slavica*. Ljubljana. 2004в. VII. S. 155–171.

Жолобов О. Ф. От праславянского языка к древнерусскому: числительные ‘7’ и ‘8’ // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 2004г. Bd. 63. H. 1. С. 1–8.

Жолобов О. Ф. Заметки о древнерусских числительных. I: Природа числительных в генетическом аспекте // *Русский язык в научном освещении*. 2004д. № 1 (7). С. 125–135.

Жолобов О. Ф. Заметки о древнерусских числительных. II: «1», «3», «4» // *Русский язык в научном освещении*. 2004е. № 2 (8). С. 207–221.

Жолобов О. Ф. Тридекаѡ анеело тридека ароханело (функция и формы числительных в берестяной грамоте № 715) // *Вопр. языкознания*. 2005а. № 3. С. 32–43.

Жолобов О. Ф. Статика и динамика древнеславянских квантитативных форм // *Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова*. М., 2005б. С. 372–383.

Жолобов О. Ф. Динамика древнерусских числительных: половинный счет // *Russian Linguistics*. 2005в. Vol. 29, No. 2. С. 201–211.

Жолобов О. Ф. Динамика древнерусских числительных: ‘11’–‘19’ // *Russian Linguistics*. 2005г. Vol. 29, No. 2. С. 213–226.

Жолобов О. Ф. Летосчислительные обозначения и датировка рукописей // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2005д. 3 (21). С. 31–32.

Жолобов О.Ф. *Семьдесят vs. семьюдесятью*: к истории грамматической антитезы // *Славистика: синхрония и диахрония. Сборник научных статей к 70-летию И.С.Улукханова*. М., 2006а. С. 458–471.

Жолобов О. Ф. Числительные. М., 2006б. 360 с. (Историческая грамматика древнерусского языка; Т. IV).

Жолобов О. Ф., Крысько В. Б. Двойственное число. М., 2001. 236 с. (Историческая грамматика древнерусского языка; Т. II).

Журавлев В. К. Диахроническая морфология. М., 1991. 208 с.

Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. 428 с.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. 720 с.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект / 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004. 872 с.

Зализняк А. А., Торопова Е. В., Янин В. Л. Берестяные грамоты из раскопок 2004 г. в Новгороде и Старой Руссе // *Вопр. языкознания*. 2005. № 3. С. 24–31.

Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. М., 1979. XXII, 494 с.

Лосев А. Ф. О методах изложения математической лингвистики для лингвистов // *Вопр. языкознания*. 1965. № 5. С. 13–30.

Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. 919 с.

Лукинова Т. Б. До порівняльно-історичного вивчення словотвору слов'янських числівників // *Структура і розвиток слов'янських мов*. Слов'янське мовознавство, т. V. Київ, 1967. С. 63–76.

Лукинова Т. Б. Числівники в слов'янських мовах (порівняльно-історичний нарис). Київ, 2000. 370 с.

Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954. 534 с.

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. 685 с.

Медынцева А. А. Грамотность в Древней Руси (По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века). М., 2000. 291 с., ил.

Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951. 492 с.

Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 2001. 510 с.

Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М., 1978. 387 с.

Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1997. Т. 1. 672 с. Т. 2. 720 с.

Плотникова В. А. Части речи // ЛЭС. М., 1990. С. 578–579.

Реформатский А. А. Число и грамматика // *Вопросы грамматики*. Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова. М.–Л., 1960. С. 384–400.

Серебренников Б. А. О некоторых приемах восстановления архаических черт грамматического строя языков // *Вопр. языкознания*. 1965. № 4. С. 20–31.

Серебренников Б. А. Части речи // ЛЭС. М., 1990. С. 579.

Словарь библейского богословия / Под ред. К. Леон-Дюфура и др. Киев – М., 1998. XXIV, 1287, IX с.

Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907. 310 с.

Соболевский А. И. Славяно-русская палеография. СПб., 1908. 120 с. (+ 20 снимков).

Соболевский А. И. Заметки по славянской морфологии // *Slavia*. 1926–1927. V. С. 451–455.

Сперанский М. Н. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письменности. Л., 1929. 162 с.

- Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000. 543 с., ил.
- Супрун А. Е. О русских числительных. Фрунзе, 1959. 172 с.
- Супрун А. Е. Старославянские числительные. Фрунзе, 1961. 108 с.
- Супрун А. Е. Полабские числительные. Фрунзе, 1962. 67 с.
- Супрун А. Е. Славянские числительные. (Становление числительных как особой части речи). Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1965. 32 с.
- Супрун А. Е. Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи. Минск, 1969. 232 с.
- Супрун А. Е. Числительное // ЛЭС. М., 1990. С. 582–583.
- Супрун А. Е. Старославянский язык. Минск, 1991. 80 с.
- Топоров В. Н. О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста. М., 1980. С. 3–58.
- Топоров В. Н. Об индоевропейской заговорной традиции (избранные главы) // Исследования в области балто-славянской культуры. Заговор. М., 1993. С. 3–103.
- Топоров В. Н. Заметка о числовом коде русских загадок // Число. Язык. Текст / Сборник статей к 70-летию Адама Евгеньевича Супруна. Минск, 1998. С. 247–258.
- Фролов Б. А. Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974. 239 с.
- Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990. 296 с.
- Хонти Л. Заметка по этимологии русского числительного *девятьюсто* // Этимология. 1986–1987. М., 1989. С. 159–164.
- Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). Л., 1977. 192 с.
- Якобсон Р. О. Опыт фонологического подхода к историческим вопросам славянской акцентологии. Поздний период славянской языковой праистории // *American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists. Vol. 1. The Hague, 1963. С. 153–178.*
- Adrados F. R., Bernabý A., Mendoza J. *Manual de Lingüística Indoeuropea. Vol. 3. Madrid, 1998. 373 s.*
- Aitzetmüller R. *Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft. Freiburg i. Br., 1978. 253 S.*
- Andersen H. Does the past have a future? Reflections on the Jakobson heritage // *Acta linguistica Hafniensia. 1997. 29. P. 149–177.*
- Blažek V. Numerals. Comparative-etimological analyses of numeral systems and their implications (Saharan, Nubian, Egyptian, Berber, Kartvelian, Uralic, Altaic and Indo-European languages). Brno, 1999. 338 p.

Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen. Erster Teil: Die Sprache. Darmstadt, 1956. XI, 666 S.

Comrie B. Balto-Slavonic // Indo-European Numerals. Berlin; New York, 1992. P. 717–833. (Trends in Linguistics. Studies and Monographs; Vol. 57).

Delbrück B. Altindische Syntax (Reprographischer Nachdruck der 1. Auflage, Haale an der Saale 1888). Darmstadt, 1968. XX, 634 S.

Demiraj B. Formanti -të në sistemin e numërimit të gjuhës shqipe // Studime Filologjike. 4. 1986. S. 181–194.

Dornseiff F. Das Alphabet in Mystik und Magie. Leipzig; Berlin, 1925. 195 S.

Gvozdanović J. Remarks on numeral systems // Indo-European Numerals. Berlin; New York, 1992. P. 1–10. (Trends in Linguistics. Studies and Monographs; Vol. 57).

Honti L. The numeral system of the Uralic languages // Numeral Types and Changes Worldwide. Berlin; New York, 1999. P. 243–252. (Trends in Linguistics. Studies and Monographs; Vol. 118).

Humboldt W. von. Über den Dualis (1827) // W. von Humboldt. Werke. Bd. 3: Schriften zur Sprachphilosophie. Darmstadt, 1963. S. 113–143.

Hurford J. R. Language and Number. The Emergence of a Cognitive System. Oxford, 1987. 322 p.

Justus C. F. Indo-European Numerals Since Szemerényi // The Emergence of the Modern Language Sciences: Studies on the transition from historical-comparative to structural linguistics in honour of E. F. K. Koerner. Vol. 2: Methodological perspectives and applications. Amsterdam, 1999. P. 131–152.

Kiparski V. Russische historische Grammatik. Bd. II: Die Entwicklung des Formensystems. Heidelberg, 1967. 288 S.

Lehmann W. P. «The divine Twins» or «The Twins... Divine?» // Languages and Cultures. Berlin; New York; Amsterdam, 1988. P. 373–380.

Lehmann W. P. Residues in the Early Slavic Numeral System That Clarify the Development of the Indo-European System // General linguistics. Vol. 31, 3–4. 1991. C. 131–140.

Lohmann J. «Wort» und «Zahl» // Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. XXV. 1956. S. 151–158.

Lujan Martínez E. R. The Indo-European system of numerals from ‘1’ to ‘10’ // Numeral Types and Changes Worldwide. Berlin; New York, 1999. P. 199–219.

Mucke K. E. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der Niedersorbischen (Niederlausitzisch-Wendischen) Sprache. Leipzig, 1891. 615 S.

Numeral Types and Changes Worldwide. Berlin; New York, 1999. VI, 281 P. (Trends in Linguistics. Studies and Monographs; Vol. 118).

Plank F. On Humboldt on the dual // Linguistic Categorisation. Amsterdam / Philadelphia, 1989. P. 293–333.

Polivka J. Les nombres 9 et 3×9 dans les contes des slaves de l'est // Revue des études slaves. 1927. VII. P. 217–223.

Sasse H.-J. Das Nomen – eine universale Kategorie? // Sprachtypologie und Universalienforschung. Bd. 46, H. 4. 1993. S. 187–221.

Schmid W. P. Eine revidierte Skizze einer allgemeinen Theorie der Wortarten // Linguistic Scientific Collectanea. Ausgewählte Schriften von W. P. Schmid. Berlin, New York, 1994. S. 368–382.

Serech Ju. Probleme der Bildung des Zahlwortes als Redeteil in den slavischen Sprachen. Lund, 1952. 172 S.

Shevelov G. Y. A prehistory of Slavic: The historical phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964. XX, 662 S.

Smoczyński W. Studia bałto-słowiańskie. Cz. I. Wrocław, Warszawa etc., 1989. 157 s.

Smoczyński W. Zu baltisch-slavisches **ketur-* und Zubeцr // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сб. к 70-летию Вяч. Вс. Иванова. М., 1999. С. 527–537.

Sommer F. Zum Zahlwort. München, 1951. 100 S. (Sitzungsberichte der Bayer. Akad. der Wissensch., phil.-hist. Kl.; Jahrgang 1950, H. 7).

Stampe D. Cardinal number systems // Papers from the Twelfth Regional Meeting of the Linguistic Society. Chicago, 1977. S. 594–609.

Stopa R. Prymitywizm kultury i języka Buszmenow // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. Z. XXII. 1963. S. 193–202.

Szemerényi O. Studies in the Indo-European system of Numerals. Heidelberg, 1960. 190 p.

Unbegaun B. La langue russe au XVIe siècle (1500–1550). La flexion des noms. Paris, 1935. 480 p.

Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. II: Morphologie. 2. pt.: Flexion pronominale. Lyon; Paris, 1958. 366–736 p.

Vondrak W. Vergleichende slavische Grammatik. II. Band: Formenlehre und Syntax. Göttingen, 1928. 584 S.

Winter W. Some thoughts about Indo-European numerals // Indo-European Numerals. Berlin; New York, 1992. P. 11–28. (Trends in Linguistics. Studies and Monographs; Vol. 57).

Tołobov O. Über Ergebnisse und Perspektiven der historischen Beschreibung des slavischen Duals. I // Zeitschrift für Slawistik. Bd. 42(1). 1997. S. 3–48.

ВОПРОСЫ К ЗАЧЕТУ

1. Индоевропейские истоки праславянских числительных.
2. Исходная система числительных в праславянском и ранне-древне-русском.
3. Буквенная цифирь.
4. Квантитатив одного.
5. Квантитатив двух.
6. Малый квантитатив.
7. Большой квантитатив.
8. Половинный квантитатив.
9. Собирательный квантитатив.
10. Числительные *единь* и *одинь*, основы *один-* и *одьн-*.
11. Числительные *семь* и *седьмь*, *осьмь* и *восемь*.
12. Числительные *девя* и *деся*.
13. Составные числительные.
14. Особенности порядковых числительных.
15. Образование новых числительных (типа *двенадцать*).
16. Образование новых числительных (типа *двадцать*).
17. Образование новых числительных (типа *шестьдесят*).
18. Нумероформы и нумерологемы.
19. Числительное *тридевять*.
20. Числительные *сорокъ* и *девяносьто*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1.1. О ЧАСТЕРЕЧНОЙ ПРИРОДЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ	7
1.1.1. Счетная и количественная функции числительных	12
1.1.2. Простые и составные числительные	15
1.1.3. Корреляция количественных и порядковых числительных	15
1.1.4. Состав квантитативных конструкций: исходное состояние и инновации	18
1.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОКИ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ. МОРФОСИНТАКСИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В ПРАСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ	22
1.3. К ИТОГАМ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СЛАВЯНСКИХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ	32
1.3.1. Числительное ‘1’	32
1.3.2. Числительное ‘2’	33
1.3.3. Числительные ‘3’ и ‘4’	36
1.3.4. Числительные ‘5’–‘8’	36
1.3.5. Числительные ‘9’ и ‘10’	39
1.3.6. Числительные ‘11’–‘19’	39
1.3.7. Числительные ‘20’–‘90’	40
1.3.8. Числительное ‘100’	42
1.3.9. Числительное ‘1000’	43
1.3.10. Дистрибутивно-собирательные числительные	44
1.3.11. Числительные половинного счета	44
1.4. СМЫСЛОВАЯ ПРИРОДА ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ: ОТСУТСТВИЕ «ДЕСКРИПТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ»	45
1.5. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ И СМЫСЛОВАЯ УПОРЯДОЧЕННОСТЬ ТЕКСТА	48
1.6. БУКВЕННАЯ ЦИФРЬ	49
1.7. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В ТАЙНОПИСИ	57
ИСТОЧНИКИ	56
Тексты	56
Словари	58
Картотеки и древলেখранилища	59
Использованная литература	59
ВОПРОСЫ К ЗАЧЕТУ	66

Жолобов Олег Феофанович

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ КАК ЧАСТЬ РЕЧИ

Учебное пособие по спецкурсу

«Сравнительно-историческое языкознание: числительные»

Редактор *И.Г.Кондратьева*

Оригинал-макет подготовлен в лаборатории прикладной лингвистики
филологического факультета Казанского государственного университета

Подписано в печать

Бумага офсетная. Гарнитура "Times New Roman". Формат 60x84 1/16.

Печать офсетная. Печ. л. 3,7. Тираж 100 экз. Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательства Казанского государственного университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18. Тел. 292-65-60, 231-53-59.